Дж. Адамсон

АФРИКА ГЛАЗАМИ ДЖОЙ АДАМСОН

Joy Adamson

JOY ADAMSON'S AFRICA

London 1972

Дж. Адамсон

АФРИКА ГЛАЗАМИ ДЖОЙ АДАМСОН

Издательство «Прогресс»
Москва 1977

Перевод с английского *В. Г. Кан, Т. И. Мироновой*
Редактор *И. М. Максимова*
Предисловие *В. Е. Флинта*

Редакция литературы по географии

© Перевод на русский язык, «Прогресс», 1976 г.

$A\frac{20901-185}{006(01)-77}42-76$

Предисловие к русскому изданию

Имя Джой Адамсон широко известно во всем мире. Хорошо знакомо оно и советским людям. Это не удивительно — Джой, несомненно, яркая, необыкновенно одаренная, многогранная натура. Эта разносторонность дарований в сочетании с поразительно живым, каким-то даже неукротимым характером, с динамичным темпераментом характеризуют личность Джой Адамсон. Вместе с тем уже при первом знакомстве с ней поражают ее мягкость, особое обаяние женственности, непередаваемая словами притягательность. Дружеские отношения с Джой Адамсон возникают сразу же, даже незаметно для самого себя, и тогда начинает казаться, что знаешь ее давным-давно.

Если попытаться как-то оценить деятельность Джой Адамсон, определить ее значение, следовало бы остановиться на нескольких аспектах. Прежде всего, это работа со львами (Эльсой и ее потомками) и гепардами (Пиппой и ее детенышами). Именно — работа. И Эльса, и Пиппа для Джой отнюдь не то, что в английском языке именуется словом «pet» (любимец, любимое комнатное животное). Скорее, это своего рода научный опыт, на котором Джой убедительно доказывает важный тезис: дикое животное, выращенное человеком, может быть возвращено к вольной жизни. Вопрос на первый взгляд второстепенный и даже праздный, а в действительности очень важный, ибо ответ на него определяет перспективность одного из методов сохранения исчезающих видов животных путем создания в неволе определенного резерва для последующего расселения животных в местах их былого обитания. Целенаправленный и глубоко продуманный эксперимент Джой Адамсон не оставил в этом отношении каких-либо сомнений.

Другой, пожалуй, не менее интересный результат работы Джой Адамсон — это расширение наших знаний о поведении крупных хищников. Ей удалось показать, что каждый зверь представляет собой неповторимую индивидуальность со своими собственными реакциями на различные явления окружающей жизни. Надо заметить, что Джой Адамсон не зоолог и не считает себя зоологом, но собранные ею факты, безупречно документированные и проверенные, могли бы украсить труды многих исследователей.

© Издательство «Прогресс», 1976 г.

Огромную работу проводит Джой Адамсон как пропагандист охраны животных. Ее самоотверженный труд дал ей право со всей присущей ей страстностью, со всей энергией и энтузиазмом встать на защиту диких животных, которым остается все меньше и меньше места на нашей планете. Имя Адамсон стало своего рода символом бескорыстного служения диким животным, бескомпромиссного отстаивания их права на существование. Гонорары, которые Джой Адамсон получает за переиздания, переводы и экранизацию своих книг, она передает Международному фонду охраны диких животных и организованному ею Фонду Эльсы, главная задача которого — переселение в национальные парки и резерваты животных, которым в их исконных местообитаниях угрожает опасность. Джой Адамсон непримирима в отношении корыстного подхода к содержанию животных в неволе. Не будет преувеличением, если мы скажем, что вся жизнь Джой Адамсон посвящена животным в целях сохранения их для будущих поколений людей.

При всем этом Джой — натура художественная, и поэтому она не может не стремиться выразить свои чувства в образах искусства. Ее рисунки пользуются большой популярностью, они составляют национальное достояние Кении, являются украшением Национального музея. Репродукции с них можно видеть во многих государственных учреждениях Найроби, на открытках, поздравлениях, календарях. Эта популярность, несомненно, имеет под собой почву. Джой Адамсон нашла свой собственный стиль, выразительный и вместе с тем понятный кенийцам, ставшим первыми ценителями ее труда. Особенно ярко проявляется талант Адамсон в анималистической живописи, и ее наброски и эскизы могут быть поставлены в один ряд с лучшими произведениями этого жанра. Всем сердцем переживаешь трагедию Джой Адамсон — она больше не сможет рисовать: в автомобильной катастрофе у нее оказалась поврежденной кисть правой руки.

В 1973 году Джой Адамсон по приглашению Всероссийского общества охраны природы посетила Советский Союз. Поездка по нашей стране, знакомство с советскими людьми произвели на нее огромное впечатление и положили начало глубокой дружбе Джой Адамсон со всеми, кто занят охраной природы в нашей стране.

В. Флинт
доктор биологических наук

Всем, кто любит Кению и помогает сохранять ее природные богатства, посвящаю

ВВЕДЕНИЕ

Трудно ознакомить читателя с моими зарисовками, не рассказав вначале о тех различных увлечениях, которые увели меня в многообразные миры. По мере того как я становилась старше, я, как и многие другие, испытывала жажду познания ошеломляющего разнообразия жизни. Вместе с тем я испытывала огромное желание обнаружить в ней ту суть, которая помогла бы раскрыть мои творческие возможности.

Хотя я родилась в Троппау*, бывшей столице австрийской Силезии, а выросла в Вене, мы проводили все наши каникулы в Зайфенмюле, недалеко от Троппау, в имении, принадлежащем семье моей матери. Здесь был мой дом, и именно здесь началась моя жизнь.

Ребенком я любила бродить по полям и лесам. Нередко в этих прогулках меня сопровождала восточноевропейская овчарка, но все же я предпочитала гулять в одиночестве, потому что собака вспугивала диких животных, за которыми я любила наблюдать. Однако еще больше мне нравились прогулки с лесником и его рассказы об оленях, зайцах и других встречающихся нам по пути животных. Мы занимались также охотой и состязались в стрельбе, но такое времяпрепровождение устраивало меня меньше.

Австрия исстари является страной музыки, и каждый в нашей семье или играл на каком-нибудь инструменте, или пел. Мои самые ранние воспоминания о детстве относятся к тому времени, когда я слушала камерную музыку и любительские оперные спектакли. Музыка убаюкивала меня быстрее, чем нянины сказки, известные большинству детей. Я научилась играть на рояле раньше, чем читать и писать, и считала само собой разумеющимся, что тем или иным образом буду продолжать установившиеся семейные традиции.

Когда я стала старше, мне захотелось играть на музыкальном инструменте не только в качестве любителя. Я решила учиться, что-

---

* В настоящее время город Опава.— *Прим. ред.*

бы получить государственный диплом пианиста, а это означало изучение истории музыки, композиции и других предметов. Я начала занятия, когда мне было пятнадцать лет, и сдала экзамен в семнадцать. Позднее я обнаружила, что не смогу успешно выступать в концертах, но поскольку я не хотела быть учителем музыки, то понимала, что должна найти свое призвание в какой-либо другой области.

Мои увлечения были многочисленны и многообразны. Я изучала работу по металлу, чеканя декоративные вазы для цветов из меди и серебра. Чеканка научила меня видеть форму в рельефе. Затем я перешла к оформлению афиш и суперобложек. Кроме того, интересуясь моделированием и стараясь не отстать от моды, окончила двухгодичные курсы шитья и была награждена дипломом имени Гремиум. Одновременно я брала уроки пения, которые доставляли мне большое удовольствие. Мне довелось также участвовать и в археологических раскопках.

По вечерам я посещала лекции по истории искусства и рисунку с натуры, а также наблюдала за реставрацией картин эпохи Кватроченто*; таким образом я узнала кое-что о сложной технике, использовавшейся старыми мастерами при смешивании красок. И наконец, прошла курс стенографии и машинописи. Все эти занятия были не более чем поисками, благодаря которым я надеялась обнаружить мое истинное призвание.

Играть в теннис или загорать у пруда в Зайфенмюле во время каникул казалось мне бессмысленной тратой времени. Поэтому однажды летом я отправилась навестить живущего поблизости скульптора, который незадолго до этого завершил работу над мраморным саркофагом для нашего фамильного склепа. Композиция фигур произвела на меня сильное впечатление, но мне больше нравилось изображать композиции живых, чем статичных, мертвых фигур. Моей первой работой была вырезанная из дерева фигурка женщины, прижимающей к себе кролика.

Лепка в мягком материале никогда не давала мне такого же удовлетворения, как раскрытие формы, скрытой в дереве или камне. Именно работа по дереву была мне больше всего по душе. Это объяснялось тем, что, следуя рисунку древесных волокон, я могла усилить красоту формы; я также чувствовала, что дерево было более живым

* Период эпохи итальянского Возрождения.— *Прим. перев.*

и податливым материалом, чем камень. Впоследствии я стала ученицей профессора Фрасса в Вене, который славился тем, что всю работу (работал ли он с бронзой или с мрамором) мог выполнять сам, от первоначального замысла до завершения скульптуры. От Фрасса я узнала, как важно для самого автора уметь выразить свою идею в только ему присущей манере, которая помогает воплощению первоначального замысла в любом материале — будь то дерево, камень или терракота. Хотя мне и очень нравилось заниматься скульптурой, но пришло время, когда воспроизведение лишь внешней формы человеческого тела перестало меня удовлетворять. Я хотела познать полностью и его анатомию. Моя любознательность завела меня в опасную область психоанализа (колыбелью которой является Вена) и в прозекторскую Института анатомии.

Друзья предупреждали меня, что я могу потерять сознание при виде препарированного трупа, но я испытала лишь чувство удивления: меня настолько поразило причудливое переплетение мышц, сухожилий и костей, что я тотчас же решила изучать медицину.

Я должна была пройти предварительное собеседование, которое давало доступ в университет, а для этого мне следовало освежить в памяти латынь и некоторые другие предметы. Возвращаться к школьным занятиям было нелегко, притом трудность усугублялась еще и тем обстоятельством, что преподавание физики, химии и математики велось, на мой взгляд, очень скучно.

Однако мне так никогда и не пришлось держать экзамен, потому что в середине занятий я вышла замуж за Виктора фон Кларвилл.

В течение последующих двух лет я беззаботно проводила время, но не находила удовлетворения в этой светской жизни, хотя она и предоставляла мне много свободного времени для резьбы по дереву. Именно поэтому я очень обрадовалась, когда мой муж решил переехать в Кению и предложил мне предварительно ознакомиться с этой страной, прежде чем навсегда расстаться с Веной.

В конечном результате путешествие привело к крушению нашего брака, так как в это время я встретила Питера Балли, ботаника, который следовал в Кению в поисках работы.

Питер открыл передо мной новый мир, интерес к которому затмил все, чем я жила ранее. Более того, он увлек меня своей деятельностью и открыл для меня возможность принять активное участие в этой новой жизни, которая была гораздо шире и богаче, чем можно

было вообразить. Я всегда чувствовала себя счастливой на родине, и особенно в Зайфенмюле, но в Европе все подчинялось воле человека, в то время как в Восточной Африке природа отводила человеку определенное место.

В течение первых пяти лет жизни в Африке, начиная с 1938 года, я посвящала себя ботанике, хотя нередко рисовала и птиц. Я увлеклась коллекционированием и зарисовками местной флоры, и через некоторое время это стало моим постоянным стремлением. Раньше я никогда не занималась рисованием серьезно, но, очевидно, унаследовала способность к этому по линии матери и, видимо, поэтому могла легко воспроизводить прелестную окраску и форму растений. Позднее большое количество моих рисунков и акварелей было использовано в качестве иллюстраций к книгам по флоре Восточной Африки.

Когда мы исследовали коралловые рифы Индийского океана, я была настолько очарована фантастической расцветкой и необычайной конфигурацией коралловых рыб, что наброски с них делала прямо на рифе, прежде чем успевали поблекнуть их яркие краски. Эти акварели были приобретены муниципалитетом Момбасы.

В течение последующих десяти лет или более круг моих интересов постепенно расширялся, и я рисовала все, что привлекало мое внимание: насекомых, пресмыкающихся, раковины. Моим стремлением было, как можно правдивее отразить наблюдаемый объект, но мне не хотелось, чтобы зарисовки напоминали цветную фотографию. Я считаю, что произведение искусства, даже самое незначительное, должно не только являться точным изображением предмета, но и отражать точку зрения художника на этот предмет.

В 1945 году я увлеклась изучением традиционных обычаев и орнаментальных украшений племен Кении и училась писать портреты так, чтобы на зарисовках можно было увековечить быстро исчезающие традиции племен и род их занятий.

Со временем правительство Кении поручило мне отразить как можно полнее жизнь основных племен. Выполняя это задание, я провела более шести лет среди африканских племен, живя большей частью в очень отдаленных местах страны. Мои акварели сейчас выставлены в правительственной резиденции района и также в Национальном музее в Найроби, а репродукции некоторых из них можно найти в моей книге «Народы Кении».

Я пробовала рисовать и пейзажи, но поняла, что это занятие не для меня, так как я привыкла обращать внимание на каждую деталь изображаемых предметов, а при этом невозможно отразить все величие разнообразного пейзажа Кении.

Несколько раз я пыталась вернуться к резьбе по дереву, но большая часть моей жизни проходила в путешествиях и экспедициях, в условиях, которые очень затрудняли эту работу. Мне удалось закончить только две фигурки, изображающие жителей одного из племен.

В 1944 году я вышла замуж за Джорджа Адамсона, и это дало мне возможность познакомиться еще ближе с миром диких животных, так как Джордж работал в Департаменте охраны животных. Нам часто приходилось воспитывать осиротевших детенышей, и некоторых из них я смогла зарисовать. Они оказались самыми трудными «натурщиками», с которыми мне когда-либо приходилось иметь дело, потому что всегда находились в движении. К сожалению, многие осиротевшие животные попадали к нам больными, с ушибами или ранами, и большинство из них не выживало.

Когда десять лет спустя в нашу жизнь вошла львица Эльса и другие львы, я сосредоточила все внимание на зарисовках животных, и это помогло мне лучше понять сущность их характеров.

Моими последними зарисовками животных были наброски гепарда Пиппы и ее детенышей. Я говорю последними, потому что, как это ни печально, больше не смогу рисовать должным образом. В результате автомобильной катастрофы я потеряла способность действовать правой рукой. Единственный набросок, который я недавно попыталась сделать, это несколько обезьян колобусов, которые проводили массу времени в нашем саду в местечке Эль-Самере.

Однако случившаяся беда не повлияла на мой все возрастающий интерес к жизни львов и не помешала мне принять участие в работах по спасению гепарда и других видов диких животных от опасности полного истребления их человеком.

Сейчас я направляю все свои силы на то, чтобы помочь сохранить диких животных, и если я в какой-то мере смогу помочь в разрешении существующего конфликта между животным миром и человеком, то почувствую, что стала ближе, чем когда-либо раньше, к осуществлению моей главной цели — как можно больше познать окружающий меня мир.

Калодендрон Капский
(Calodendron capense)

1. ФЛОРА КЕНИИ

Кратеростигма ланцетная
(Craterostigma Lanceolatum)

Когда я вторично приехала в Кению в 1938 году, чтобы стать женой Питера Балли, я присоединилась к экспедиции на гору Чиулу, организованной научными сотрудниками Кориндонского музея в Найроби (в настоящее время Национальный музей). Питер был ботаником в изыскательской партии, которой предстояло изучить геологию, фауну и флору этого неисследованного вулканического горного района. Нельзя было бы желать более необычного медового месяца. Последующие три месяца, которые мы провели на протянувшейся почти на пятьдесят километров вулканической горной цепи, были для меня самым захватывающим знакомством с Кенией.

Эта область страны особенно интересна благодаря своему сравнительно недавнему происхождению. На склонах гор, на их северо-западной оконечности, еще не успел даже образоваться гумус, а в кратерах его было достаточно, чтобы появилась скудная растительность. Юго-восточный край горной цепи уже был покрыт таким густым девственным лесом, что мы вынуждены были прокладывать свой путь,

шаг за шагом, через путаницу ползучих растений и лиан. Небо лишь изредка проглядывало сквозь плотно сомкнутые кроны деревьев. Несмотря на изобилие растительности, на этом горном хребте не было воды, за исключением небольшого ручейка, тонкой струйкой вытекавшего из расщелины скалы. По мере того как наш лагерь передвигался вдоль гребня горной цепи, мы пополняли скудный запас воды, собирая утреннюю росу раскинутыми на траве простынями и выжимая влагу из пропитавшейся ткани в сосуды. В редких случаях нам удавалось пополнять запасы воды, когда мы находили дикое гниющее банановое дерево*. В этом состоянии обычно вяжущий и горький сок стеблей превращается в кристально чистую свежую жидкость. Из стебля и листьев одного такого растения мы могли получить до 190 литров воды. Иногда это помогало разрешить проблему стирки. Мы вынуждены были экономить воду, и я поняла, что чем скорее я научусь ценить ее как один из главных источников существования, тем скорее смогу приспособиться к моей будущей жизни в Африке, которую собиралась проводить в основном в путешествиях.

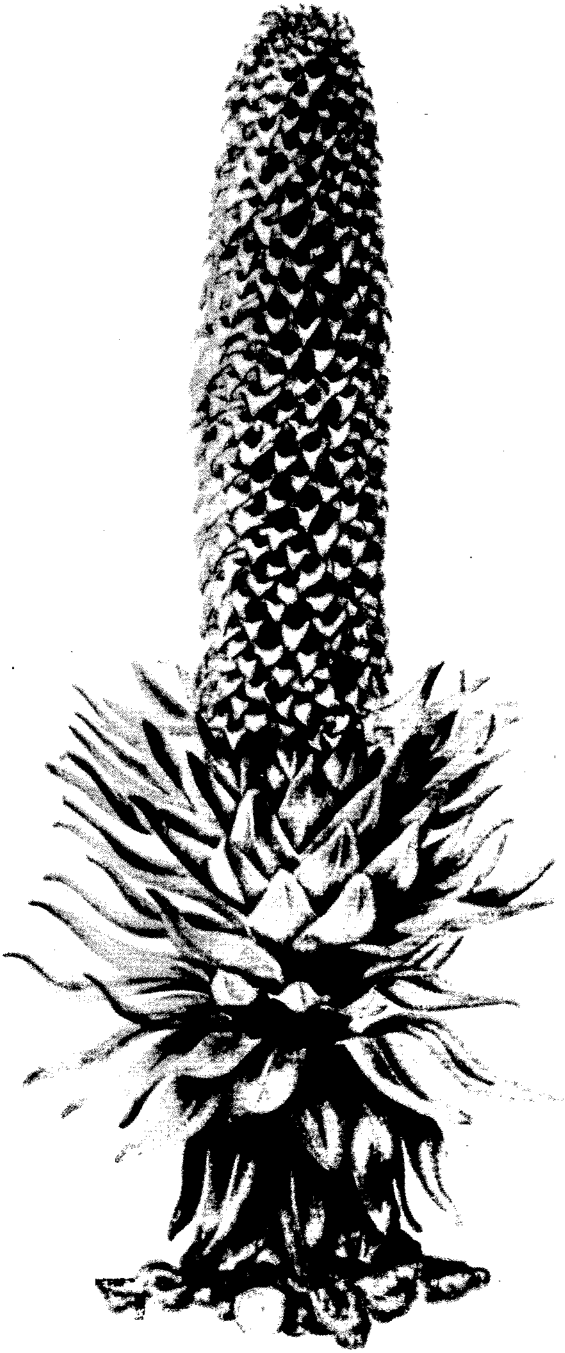
А пока меня приводила в восторг жизнь в палатках и близость к природе. Но еще больше восхищало то, что я могла наблюдать, как начиналась жизнь растений на почти голых северо-западных склонах гор, постепенно переходящая в щедрое изобилие на юго-восточной оконечности хребта.

Именно здесь Питер открыл мне богатство растительного мира Кении, в которой насчитывается в пять раз больше видов растений, чем во всей Европе.

Не имея специальности, я болезненно переживала свое пребывание в отряде и, чтобы быть хотя бы чем-то полезной, начала делать зарисовки цветов. Однако сравнивая свои попытки с тщательной зарисовкой растений Питером, я была так расстроена, что разорвала свой первый рисунок. Но Питер склеил обрывки и, одобрив мои начинания, посоветовал продолжать их. Я всегда буду благодарна за то, что он помог развиться моему скрытому до тех пор таланту. Благодаря рисованию я смогла гораздо полнее оценить неповторимую красоту и разнообразие флоры Восточной Африки, чем если бы просто

---

* Ложный банан, плоды которого несъедобны, а идут только на корм скоту. Листья идут на строительство хижин.— *Прим. перев.*



Лобелия

Галлы на акации

Протея Надии
(Protea nadiense Oliv.)

коллекционировала растения. Позднее я занималась и этим, составляя гербарии для различных международных ботанических институтов.

После того как мы вернулись в Найроби, д-р А. Джекс-Блейк и его жена Мюриель пригласили меня посетить их и познакомить с моими зарисовками. Оба были пионерами развития садоводства в Кении. Сады леди Мюриель славились как в Кении, так и в Англии, поэтому я очень стеснялась показывать им мои первые рисунки. Но после того как Джекс-Блейки увидели их, они предложили мне иллюстрировать второе издание книги «Садоводство в Восточной Африке». Их предложение встревожило меня. Книга, которую д-р Джекс-Блейк подготавливал к печати, являлась продолжением первого тома под таким же названием. Это было руководство по выращиванию цветов и фруктов в садах Африки для любителей, но основное внимание в нем уделялось местной флоре, и я должна была иллюстрировать именно эту часть книги.

Вместо того, чтобы обрадоваться порученной работе, я испытывала определенную неуверенность. Ведь я совсем недавно начала рисовать цветы, и что бы получилось, если бы результат не оправдал ожидаемых надежд? Но, несмотря на мои сомнения, Джекс-Блейки настояли на своем. Мы стали большими друзьями, и в течение последующих пяти лет я проиллюстрировала семь книг рисунками цветов, деревьев и кустарников Восточной Африки. В процессе работы я составила коллекцию из семисот зарисовок растений для Кориндонского музея. Позднее состоялась выставка моих акварелей цветов в Лондоне, и Королевское общество садоводства наградило меня золотой медалью имени Гренфел.

Меня интересовали в основном деревья с красивыми цветами, которых в Восточной Африке непревзойденное разнообразие. Даже в засушливых районах, где уже сама мысль о возможности выжить в этих суровых условиях полупустыни казалась невероятной, я находила деревья с изумительно красивым цветением. Многие из них имеют только или листву, или цветы, так как влаги для питания и того и другого одновременно не хватает. Другие по этой же причине цветут лишь один раз в несколько лет, а на многих бутоны распускаются только после захода солнца, в прохладные ночные часы, а затем их цветы увядают, как только начинает светать. Поэтому некоторые из этих деревьев я могла найти только с наступлением

Крестовник капустный
(Senecio brassica)

Мерремия виноградолистная
(Merremia ampelophylla Hallier F.)

Глориоза зеленоватая
(Gloriosa virescens)

темноты по источаемому цветами ароматному запаху, который привлекает насекомых в период опыления. Так как цветение у некоторых видов продолжается только несколько дней, я должна была быть на определенном месте в строго определенное время для того, чтобы успеть собрать цветы. Много ночей я провела без сна, пытаясь воссоздать их хрупкую красоту при мерцании фонаря, который привлекал мириады насекомых, кружившихся вокруг меня, пока я работала под москитной сеткой.

Позднее, когда я совершила восхождение на Килиманджаро (5895 м) и гору Кения (5199 м), я была очарована альпийской флорой этих двух потухших вулканов. Вернувшись в лагерь, который был разбит на склоне горы Кения, на высоте 3656 м, я поспешила зарисовать эти единственные в своем роде цветы.

Флору гор Восточной Африки вполне справедливо можно назвать уникальной, так как здесь, на экваторе, встречается растительная жизнь северного и южного полушарий, и цветы европейских Альп произрастают рядом с цветами Южной Африки. Наиболее замечательны имеющие причудливый фантастический облик гигантские лобелии, встречающиеся только здесь и в Андах Южной Америки.

Для того чтобы получить наилучшие результаты, я выбрала для работы дождливый сезон, в который на этой высоте выпадает снег. В холодные ночи снег, подобно одеялу, укрывает растения от холода. Он тает лишь к полудню, и тогда палящее солнце прогревает замерзшую землю. Едва ли можно представить себе что-либо более красивое, чем раннее утро на альпийских полянах, покрытых пушистым искрящимся снегом, из-под которого гордо возвышаются, создавая поразительный контраст красок, гигантский крестовник, алый гладиолус, темно-голубовато-зеленые дельфиниумы и золотистый крестовник. На этой высоте окраска всех растений гораздо ярче, чем растений на более низких высотах. Кроме повара, меня в этих экскурсиях сопровождал и оруженосец, чтобы защищать во время поисков растений от слонов и буйволов, которые каждое утро выходили из леса и паслись на полянах.

Наиболее удивительными растениями были гигантские крестовники и не уступавшие им по высоте гигантские лобелии. Словно огромные свечи в подсвечниках, почти трехметровые лобелии возвышались среди кочек, покрытых злаковыми травами. Вокруг лобелий порхали нектарницы. Птицы высасывали нектар из многочисленных малень-

Малина Волканса.
(Rubus volkansii Engl.)

Онкоба
(Oncoba routledgei)

Гибискус коноплевый
(Hibiscus canabinus)

ких цветочков, покрывающих поверхность пустотелых колонок, и своим ярким оперением напоминали драгоценные камни. Горький и ядовитый сок, выделяемый лобелиями, не причинял птицам никакого вреда. Я же вскоре обнаружила, какой губительный эффект могут оказывать ядовитые пары лобелии. Чтобы иметь возможность зарисовать лобелию, мы вынуждены были принести ее в лагерь. К тому времени, когда мы с оруженосцем вернулись в лагерь, наши губы и веки распухли, и мы чувствовали себя совершенно больными. Даже на следующий день, когда я рисовала это растение, находясь от него на расстоянии почти пяти метров, я все еще ощущала тошноту. Позднее я узнала, что люди могут также заболеть, если они, разбивая лагерь на полянах, будут разжигать костер сухими ветками лобелии. А если они слизнут каплю сока лобелии с пальцев, это немедленно вызовет рвоту.

Древовидный гигантский крестовник был слишком большим, чтобы нести его в лагерь, поэтому я должна была рисовать его на месте. Расположившись со всеми своими принадлежностями перед одним из растений около небольшого горного ручья, я с таким вниманием углубилась в зарисовку пучков золотистых цветов, похожих на огромные руки, сложенные в молитве и простирающиеся к небу, что неожиданное появление в нескольких метрах от меня трех слонов, которые пришли на водопой, застало меня врасплох. Бросив все, я побежала.

Буйволы также иногда доставляли неприятности. Каждую ночь один и тот же буйвол настойчиво протискивался сквозь узкий проход, отделявший мою палатку от палатки мужчин, чтобы почесаться о парусину. Во время этих страшных минут мой маленький каирский терьер Пиппин, который всегда спал у меня в ногах, почти не дышал, чтобы не выдать себя.

Но эти в общем-то комические эпизоды не могли помешать моим занятиям. Я нашла здесь так много растений, представляющих огромный интерес, что продлила свое пребывание в лагере с одного месяца до пяти и упаковала свои вещи только тогда, когда почувствовала, что перемена погоды стала меня раздражать. Наступил период муссона. Каждую ночь я слушала, как «волны» ветра, набирая силу, с рокотом скатывались вниз с вершин, закованных в лед, проносились по альпийским полянам и разбивались затем с огромной силой о стену леса. Палатки дрожали и скрипели при сильных порывах ветра, и

спать становилось невозможно. Нелегко было мне покидать этот прекрасный, необыкновенный горный мир.

Цветы горы Кения так очаровали меня, что у меня появилось желание зарисовать также флору и других гор. Поэтому я присоединилась к шведской экспедиции, которой предстояло изучать горы Восточной Африки.

Мы начали свой путь у горной гряды Рувензори (5109 м) на границе между Угандой и Заиром. Это единственные горы невулканического происхождения в Восточной Африке, и они славятся тем, что дожди здесь льют в течение 360 дней в году. Возможно, это и правда, так как в пределах леса ветви деревьев покрыты таким плотным слоем мха, что они похожи на игрушечных медвежат. Передвигаться в этих местах — настоящая пытка. Наши мучения не кончились и тогда, когда лес сменился болотистой местностью. Мы вынуждены были перескакивать с кочки на кочку, чтобы не провалиться в трясину, но зато нам очень повезло с погодой в течение семи недель, пока мы стояли лагерем вблизи ледника, спускающегося с этих гор. Горы Рувензори часто отождествляли со сказочными Лунными горами, где, по легендам древних народов, находились истоки Нила. В своей известной географии Птолемей рассказывает, что на определенной широте «там возвышалась Лунная гора, снега которой питают озера, истоки Нила».

Покинув Рувензори в снежную бурю, мы провели четыре недели в кратере Элгон, находящемся на границе Кении и Уганды на высоте 4322 м. Флора этого потухшего вулкана, пожалуй, самая интересная из растительного мира всех гор Восточной Африки. Мы разбили лагерь на небольшом болотистом островке. С одной стороны его окаймлял ручей с ледяной водой, известный в своем нижнем течении как река Туркуелл, а с другой — горячий бурлящий источник. Находясь между этими двумя крайностями, мы не испытывали недостатка в воде, хотя по ночам нам приходилось делиться ею с буйволами.

К тому времени, когда я окончательно рассталась с моими шведскими друзьями, я уже так заинтересовалась альпийской флорой, что продолжала использовать каждую возможность, чтобы зарисовать и собрать как можно больше видов растений и хотя бы в зарисовках показать этот таинственный мир гор и его прекрасную растительность тем, кому не выпало счастье увидеть все это воочию.

Велоция войлочная
(Vellozzii Sp.)

Колибри *(Cinnyris regius)* на зверобое ланцетовидном *(Hypericum lanceolatum)*

После того как я в 1944 году вышла замуж за Джорджа Адамсона, моя жизнь проходила в непрерывных охотничьих экспедициях, поскольку Джордж был управляющим заповедными участками на севере Кении. Растительность на этой обширной территории площадью 31 800 км^2 была почти не исследована, и поэтому работы был непочатый край. Конечно, мне приходилось приурочивать часы своей работы к рабочему времени Джорджа, и я не всегда могла закончить рисунок до того, как мы должны были перебираться в другое место. Поэтому я старалась максимально использовать свое время.

Я хорошо помню одно утро. Накануне вечером недалеко от лагеря я обнаружила цветок, который надеялась успеть зарисовать, пока укладывают палатки. Когда же я, горя от нетерпения, отправилась, чтобы сорвать его, то увидела там стадо слонов. Вернувшись в лагерь, я попросила Джорджа пойти со мной, захватив на всякий случай ружье. Однако в душе я надеялась, что эти гигантские животные «разрешат» мне сорвать растение. Но Джордж не торопился со своим завтраком и после того, как мне все же удалось сдвинуть его с места, медленно, что-то ворча по поводу моих художественных замыслов, последовал за мной.

Когда мы приблизились к цветку, слоны еще сохраняли свои позиции, к тому же самка слона с детенышем находилась лишь в нескольких метрах от растения. Я не испытывала особого энтузиазма собирать цветы под самым хоботом слона. Джордж же, мстя мне за то, что я нарушила его завтрак, принялся подтрунивать надо мной, называя трусихой. И чтобы показать ему, что не собираюсь сдаваться, я смело направилась к цветку, сорвала его — и очень поспешно отступила под защиту Джорджа, стоявшего с ружьем. На обратном пути Джордж был удивительно вежлив. Эта вежливость стала понятной, когда мы уже находились в лагере, где были в полной безопасности. Он робко признался, что забыл зарядить ружье! Счастье, что слоны были такие понятливые, а я была полностью вознаграждена за мою невольную отвагу, когда позднее узнала в Королевских ботанических садах в Кью, что это растение представляло исключительный интерес.

Через несколько дней со мной произошел другой случай, окончившийся менее удачно. Мы ехали верхом впереди ослов, которые тащили нашу поклажу. Близилось время второго завтрака, и мы выбрали для отдыха тенистое дерево неподалеку от небольшого ска-

листого холма. Чтобы не терять времени в ожидании, пока ослы доставят нам продукты, я поднялась на холм под горячими лучами полуденного солнца. Когда я вернулась в лагерь, я почувствовала сильную головную боль. После завтрака нам предстояло продолжить путешествие, чтобы до темноты успеть добраться до следующего водоема. Волей-неволей мне пришлось взобраться на своего мула. Размеренный ритм его шагов и жара нагнали на меня сон, и я, должно быть, задремала. Очнулась я, когда от толчка меня сбросило с мула. Я упала, сильно ударившись о скалу. В это же время в нескольких метрах от меня два носорога с шумом бросились в кусты. Мул удрал, а я не могла двигаться и лежала, охая, на камнях, пока не подоспел Джордж. Он ехал впереди меня, и, когда мул пронесся мимо него без всадника, преследуемый двумя носорогами, он испугался, подумав, что случилось самое худшее. Джордж с облегчением вздохнул, обнаружив, что я жива. Удар о скалу, должно быть, вызвал повреждение позвоночника, и меня временно парализовало, так что я была не в состоянии двигаться

Барлерия длиннейшая
(Barleria Longissima)

и только невнятно стонала. К несчастью, у нас не осталось ни капли воды, а следующий источник находился в четырех часах ходьбы. С большими усилиями меня погрузили на мула Джорджа, и кое-как мне удалось преодолеть расстояние до нового водоема.

Пока разбивали лагерь, я в изнеможении упала на свою походную постель. Джордж делал все от него зависящее, чтобы выполнить роль заботливой няни и отвлечь мои мысли от тупой боли в суставах. Однако, когда он поведал мне на сон грядущий, что это место славилось львами и что в последний приезд сюда он искал льва-людоеда, который съел мальчика-пастуха из племени самбуру, я не оценила его рассказ. Джордж продолжал рассказывать мне, что он выставил приманку, но, ожидая льва, должно быть, уснул. На следующее утро он обнаружил приманку нетронутой, а внутри палатки около его постели было много львиных следов.

После этого рассказа мне захотелось как можно скорее уехать отсюда, и так как мои кости оказались целы, на следующее утро мы снова двинулись в путь. Этот случай заставил меня принимать в дальнейшем особые меры предосторожности, чтобы опять не заснуть во время езды верхом.

Несмотря на то что обстоятельства, при которых я рисовала, часто были захватывающими, мне по-прежнему доставляло удовольствие не только делать зарисовки, но и коллекционировать высушенные растения. Занимаясь этим, я узнала, что многие растения могут быть использованы для различных целей, например как средства от насекомых, как красители или как пища и лекарство. Я также узнала, какое важное место занимали растения в жизни африканцев и какое большое значение во всем мире имеет врачевание травами и исследование новых видов растений для лечения пока еще трудно поддающихся излечению болезней.

Моя коллекция растений была результатом долгих часов работы. Обычно с наступлением темноты я проглаживала утюгом растения, собранные днем, и таким способом сохраняла их во время наших продолжительных охотничьих экспедиций. Я также спрашивала у местных африканцев о применении различных растений. Правда, многие мои собеседники относились весьма подозрительно к моим расспросам, но, в конце концов, все мои усилия были вознаграждены, и я не только расширила круг моих интересов, но и смогла получить большее представление о значении этих растений.

Эдитколея большая
(Edithcolea grandis)

Венценосный журавль
(Balearica regulorum gibbericeps)

2. НЕСКОЛЬКО ВИДОВ ПТИЦ

В Кении меня особенно привлекали птицы. Число видов их здесь гораздо больше, чем в любой другой африканской стране, и мне хотелось зарисовать некоторые экземпляры с наиболее ярким оперением.

Когда я впервые прибыла в страну, хранителем Кориндонского музея был д-р Ван Сомерен — известный орнитолог и художник. У него была уникальная коллекция рисунков птиц. Он умел очень верно уловить и передать на рисунке радужность оперения птиц, что редко удавалось даже выдающимся художникам-анималистам. Секрет его заключался в том, что он всегда использовал чистые акварельные краски без всяких примесей и тонкие, как человеческий волос, кисти. Например, для того, чтобы изобразить голубовато-зеленый металлический блеск, каким обладает оперение синего скворца, он наносил тонкие, подобно волосу, голубые линии, чередуя их с чисто зелеными и тщательно избегая при этом наложения одного цвета на другой. Таким образом он достигал удивительного уникального опалового отлива. Ван Сомерен никогда не использовал темные краски.

Королевская нектарница

Так как я недостаточно хорошо знала анатомию птиц, чтобы рисовать сразу с живой натуры, я начала с чучела нектарницы (*Cinniris regius*), взятой из музея. Пытаясь нанести одну за другой линии различных оттенков на отдельных участках оперения, контуры которых я предварительно очертила, я вскоре обнаружила, что могу делать это только с помощью лупы. После нескольких дней вырисовывания самых мельчайших деталей мои глаза сильно переутомились, и наконец зрение стало слишком слабым, чтобы продолжать это занятие. К сожалению, мне никогда не приходилось наблюдать, как работает д-р Ван Сомерен — поэтому для меня осталось загадкой, каким образом он мог сделать так много рисунков и не ослепнуть.

Венценосный журавль

Затем я попытала счастье на птице более крупного размера. Я выбрала венценосного журавля (*Balearica regulorum*) из Восточной Африки. Эта величественная птица привлекала меня, как художника, не только украшавшим ее голову декоративным венцом, но также изысканной расцветкой оперения и изящной формой тела. И опять для меня оказалось слишком трудно рисовать прямо с живой птицы. Тогда я использовала музейный экспонат — журавля, нарисованного и наклеенного на холст. Но мысль о том, что я имею дело с неживой моделью, действовала на меня удручающе.

Молочный филин

К сожалению, мне всегда не хватало времени, чтобы заняться более глубоким изучением птиц и научиться хорошо их зарисовывать. Поэтому я никогда больше не делала попыток рисовать птиц, если не считать набросков с молочного филина (*Bubo lacteus*).

Это случилось совершенно неожиданно. Как-то в полдень, пробираясь через кустарник, я обнаружила большую птицу, которая

судорожно билась на земле, хлопая одним крылом и волоча другое за собой, словно сломанное. Казалось, она совсем обессилела. Когда я осторожно приблизилась, птица попыталась подняться, но безуспешно. И тут я заметила, что один глаз у нее сильно поврежден, а пух вокруг глаза вырван. С виду, судя по пепельно-серому пуху, это был еще птенец, однако его когти не уступали когтям леопарда. К тому же он обладал внушительным клювом.

Я не осмелилась взять сама эту «страшную» птицу и поэтому попросила лесника, всегда сопровождавшего меня на прогулках, вернуться домой и передать Джорджу, чтобы он приехал на лендровере и привез с собой плотную материю, которой можно будет «спеленать» птицу. А пока я села примерно в метре от нее. Через некоторое время птица открыла здоровый глаз и посмотрела на меня. Я вела себя тихо и этим завоевала ее доверие, она постепенно поднялась, приняв полусидячее положение.

Вскоре послышался шум приближающейся машины, который, казалось, привел филина в ужас — он упал на землю, притворившись мертвым. Затем, немного придя в себя и не сводя с меня своего неповрежденного глаза, птица забилась, припадая на больное крыло. Приехавший Джордж приблизился к нам очень медленно, держа в руках мешок. Как только он подошел к птице на расстояние вытянутой руки, филин распластался на земле с закрытыми глазами. Но, сажая его в мешок, мы все же соблюдали осторожность, чтобы он не мог оцарапать нас своими мощными когтями.

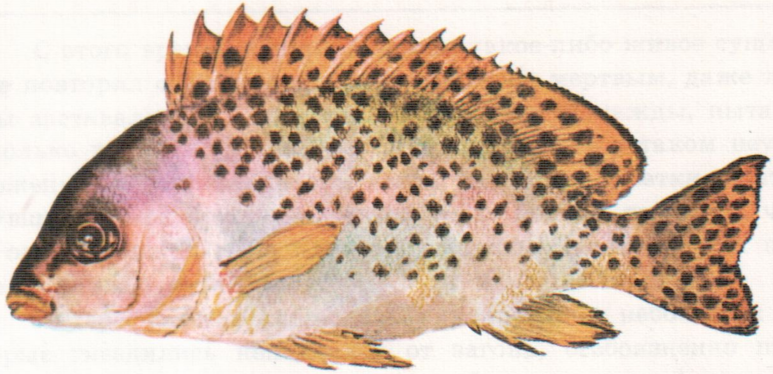
Я очень бережно держала на коленях раненую птицу во время нашего возвращения домой, однако филин не проявлял признаков жизни. Казалось, нам ничего не оставалось делать, как похоронить его. Однако Джордж еще не терял надежду. Мы поместили филина в огороженный загон, который когда-то львица Эльса занимала ночью, положили у его ног специально подстреленного для него голубя, а затем оставили одного.

Спустя час мы вернулись и убедились, что птица, хотя и лежала в другом положении, выглядела по-прежнему безжизненной. Однако голубя не было. Джордж улыбнулся и отправился подстрелить еще одного голубя, которого он также оставил рядом с филином. В следующий раз мы приблизились к загону очень тихо и увидели, как филин усердно, с аппетитом расправляется с голубем, но как только он нас заметил, то тотчас же как подкошенный упал «замертво».

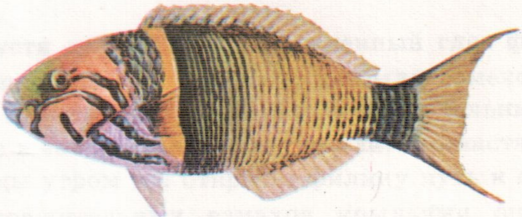
С этого времени филин, завидя какое-либо живое существо, сразу же повторял свой прием и прикидывался мертвым, даже тогда, когда мы заставали его цепляющимся за сетку. Однажды, пытаясь узнать, сколько времени филин еще будет пребывать в таком неудобном положении, я зарисовала его, когда он свисал с сетки, почти перевернувшись вверх брюшком. У него было больше терпения, чем у меня, и он продолжал свою плутовскую инсценировку до тех пор, пока я не сжалилась и не ушла.

Интересно было наблюдать, как многие из небольших птичек, которые гнездились неподалеку от загона, безбоязненно пробирались сквозь сетку и пили из резервуара фонтана, хотя филин сидел всего в нескольких метрах, наблюдая за «гостями» одним широко открытым глазом.

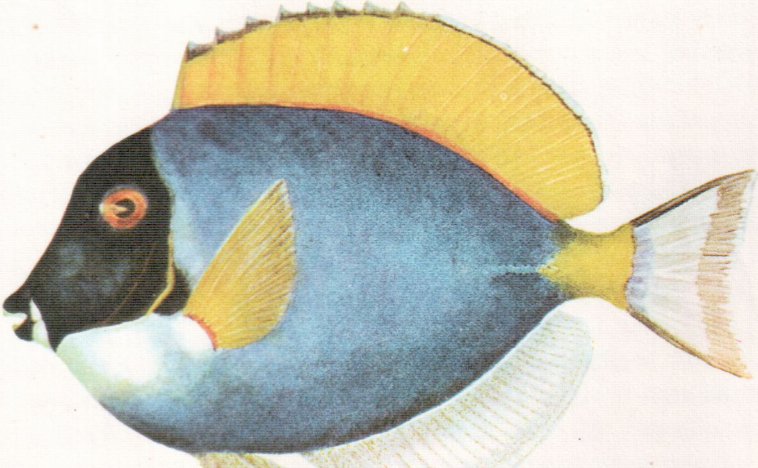
Спустя два месяца поврежденный глаз филина совершенно потерял зрение, но это, казалось, не было помехой для быстрых реакций птицы, и, поскольку хитрый и изобретательный филин постоянно вводил нас в заблуждение, мы решили, что настало время выпустить его. Однажды утром мы открыли филину путь к свободе, и после нескольких нерешительных взмахов крыльями он поднялся в воздух и исчез из виду.



Рыба-хирург
(Thuthis Sp.)

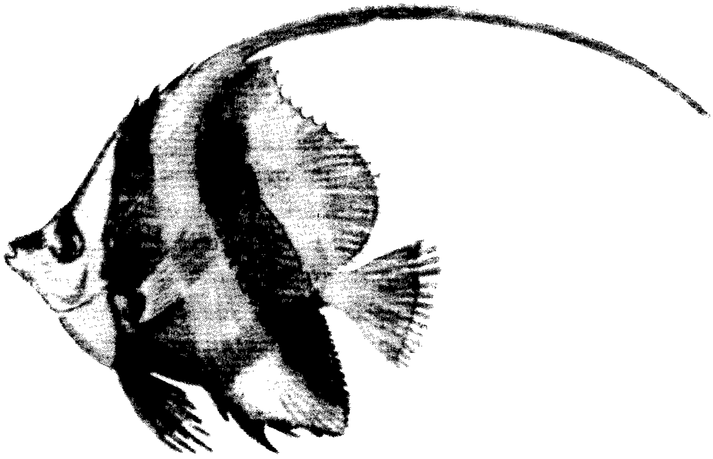


Талассома
(Thalassoma Sp.)



Луциан
(Lutzanus Sp.)

3. РЫБЫ КОРАЛЛОВЫХ РИФОВ



Лагуна у маленькой рыболовецкой деревушки Киунга, расположенной на берегу Индийского океана, у самой границы Кении с Сомали, — настоящий рай для обитающих в ней коралловых рыб.

Мы случайно обнаружили этот отдаленный уголок во время поездки, которую совершили с таким расчетом, чтобы Джордж мог следить за браконьерами, ведущими незаконную охоту в глубине страны. Дождь, разразившийся в тот момент, когда мы достигли побережья, нарушил все наши планы, и мы на несколько недель оказались отрезанными от внешнего мира. Но мы не очень огорчались — у нас были с собой подводные ружья и защитные очки, и мы в полной мере смогли насладиться волшебным подводным миром.

Вскоре мы подружились с Дилимуа Бин Лали, старым рыбаком из местного племени баджун, который ежедневно отвозил нас к рифу в своей ветхой лодке-долбленке. Он рассказывал нам, какие рыбы съедобны, а какие — ядовиты (в расцветке последних есть несколько красных пятнышек, действующих подобно особому сигналу, предупреждающему об опасности). Лали описывал и тех рыб, которых можно было использовать как наживку, и тех, которые были просто кра-

сивы. Меня, конечно, интересовали больше всего красивые рыбы, так как я хотела их зарисовать.

К сожалению, коралловые рыбы, вытащенные из воды, почти тотчас же теряют свою светящуюся окраску. Позднее я узнала, что это происходит потому, что имеющиеся в чешуе коралловых рыб специальные клетки быстро высыхают. Но мне очень хотелось зарисовать их сверкающую окраску, и поэтому я брала с собой акварельные краски прямо на риф. Каждый раз, когда мы ловили одну из сказочных рыб, я помещала ее в большую металлическую чашку и за две-три минуты успевала сделать набросок, прежде чем окраска побледнет. Затем подвешивала рыбу на ниточках, словно живую, и пересчитывала точное количество колючек и шипов в спинных плавниках. Я выполняла рисунки с особой тщательностью, вырисовывая все чешуйки рыбы, и тщательно выписывала цвет, используя набросок, сделанный на рифе. Таким способом я делала рисунки рыб, имеющие большую степень достоверности. Часто, когда прилив наступал поздно и мы возвращались уже после захода солнца, мне приходилось сидеть до самой ночи, зарисовывая наш улов. Окончив зарисовки, я солила рыбу и таким способом сохраняла ее до тех пор, пока не смогла передать мою коллекцию в Кориндонский музей в Найроби. Там с рыб делали гипсовые слепки, которые затем раскрашивали по моим зарисовкам. Так воспроизводилась по возможности наиболее точная копия живой рыбы. Помогая создавать коллекцию рыб в музее, мы замечательно провели время, исследуя фантастический морской мир. Между берегом и рифом было так много коралловых садов, что я не думаю, что нам удалось бы посетить все их за то время, которое мы провели в деревне Киунга. Там было несметное количество разнообразных рыб: одни пятнистые и полосатые, другие в квадратиках и пятнах. Были рыбы светло-зеленые и рыбы с радужными оттенками и таких оригинальных форм, что мы забывали о времени, голоде, холоде, жаре, а иногда и об опасности, часами плавая в этом морском подводном раю. Иногда мы долго подкрадывались к какой-нибудь заинтересовавшей нас рыбе, ныряя за ней снова и снова до тех пор, пока не начинали дрожать от холода и были вынуждены оставлять это занятие.

Случалось, что из-за своей неуемной любознательности мы внезапно оказывались лицом к лицу с какой-нибудь грозной на вид рыбой, которая смотрела на нас своими неподвижными и злобными

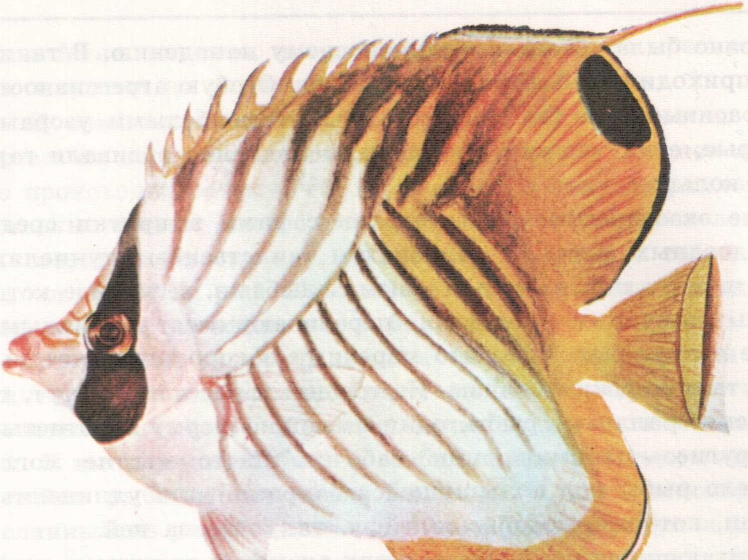
глазами и словно была готова к молниеносному нападению. В таких случаях нам приходилось быстро ретироваться. Особую агрессивность проявляли красивые, как бы разрисованные черно-белыми узорами мурены, которые, если мы их тревожили, немедленно обвивали гарпун плотным кольцом.

Но многие экзотические рыбы играли с нами в прятки среди сказочных подводных долин, в каньонах и таинственных туннелях, образованных причудливыми коралловыми глыбами, в глубине которых светились розочки и прожилки, переливающиеся различными красками. Все вокруг было покрыто морскими водорослями, которые колыхались в такт морским волнам. Из трещин и расселин то тут, то там появлялись коралловые рыбы, одни имеющие форму золотистых коробочек, другие — напоминающие бабочек. Часто мы не могли рассмотреть тело рыбы под колышущейся бахромой или удлиненными плавниками, которые, подобно шлейфу, тянулись за ней.

Среди извивающихся щупалец морских анемонов толпились стайки крошечных рыбешек. Мы могли поймать их только с помощью сетки от москитов, которую накидывали на всю стайку. Других рыбок, которые были слишком малы, чтобы стрелять по ним из подводного ружья, мы ловили плетеными корзинками с насаженной внутри на крючок приманкой.

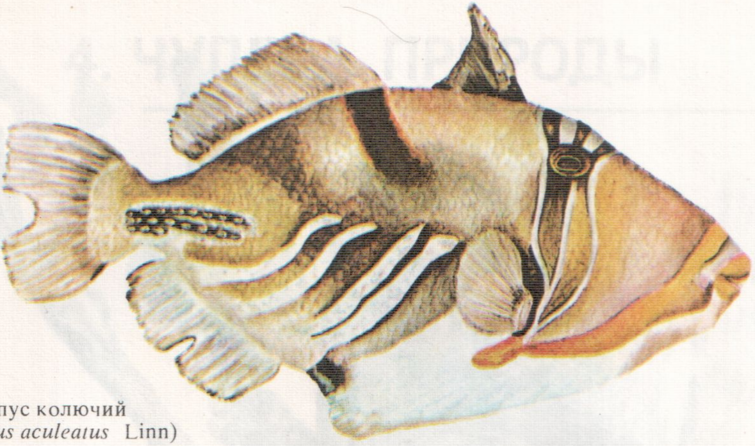
Нередко Дилимуа обнаруживал длинные щупальца морского рака — лангуста, торчащие из-под коралловой глыбы. Лангустов, несмотря на их грозный с острыми шипами панцирь, было легко поймать — они оставались совершенно неподвижными, пока мы нацеливались гарпуном между их щупальцами. На берегу Дилимуа превращал старую консервную банку в котелок, в котором он искусно жарил нашу добычу. Мы отогревались на жарком солнце, лакомясь мясом сочных лангустов, все еще сохраняющих вкус соленой морской воды, затем Дилимуа обнаруживал новую жертву для наших гарпунов, и мы должны были снова нырять в море.

Пока мы были здесь, я неожиданно для себя стала обладательницей уникальной коллекции, так как до этого никто еще не зарисовывал коралловых рыб прямо на рифе. Когда я показала мои акварели представителям морской службы, они нашли их настолько интересными, что захотели их сохранить. К счастью, Али Бин Салем — глава общины арабов побережья Кении, очень приятный и гостеприимный человек, незадолго до этого основал фонд, и мои картины были куплены на эти деньги для муниципалитета Момбасы.

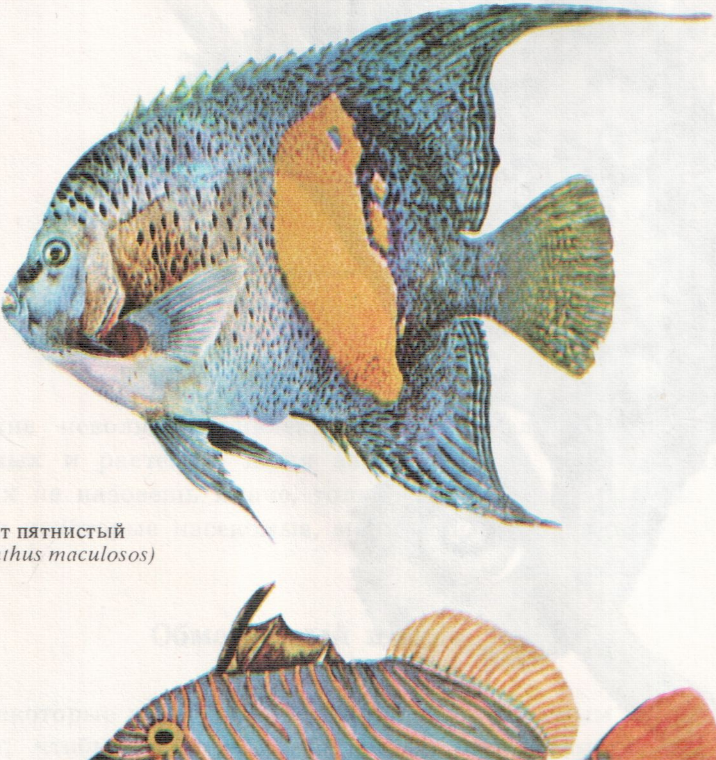


Рыба-бабочка
(Chaetodon setifer)

Бугорчатый кузовок
(Ostracion tuberculatus)



Бальстапус колючий
(Balstapus aculeaius Linn)



Голокант пятнистый
(Holocanthus maculosos)

Хамелеон Джексона
(Chamaeleon jacksoni vanerescecae)

4. ЧУДЕСА ПРИРОДЫ

Птероис волитанус
(Pterois volitans)

Когда я рисовала цветы, птиц и рыб Кении, мое внимание невольно привлекли самые различные аспекты жизни животных и растений. Меня заинтриговали виды живых существ, которых не назовешь иначе, только как чудеса природы. К ним относятся некоторые насекомые, моллюски и ящерицы.

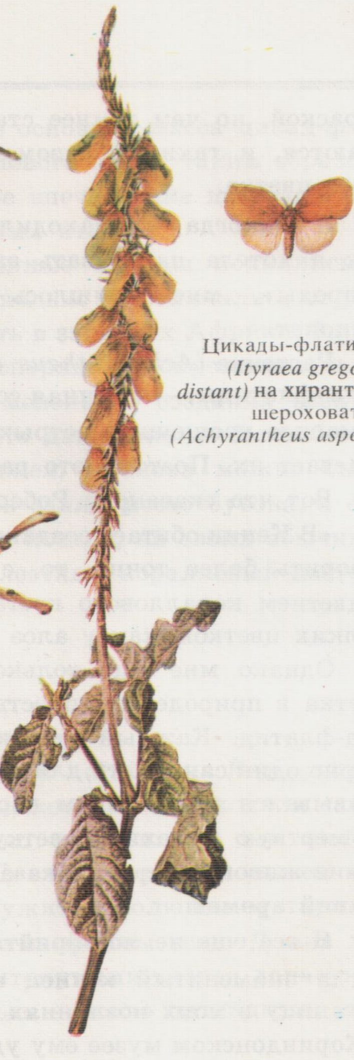
Обманчивый цветок

Некоторые виды в природе прибегают к самым различным ухищрениям, чтобы защитить себя от врагов. Меня особенно поразил такой случай: обычная на первый взгляд цветочная стрелка на самом деле оказалась скоплением цикад-флатид (Ityraea Gregoryi Distant), сидевших со сложенными крыльями. Они располагаются вдоль стебля растения таким образом, что похожи на цветок. Иногда на вершине стебля теснятся цикады с бледной желтовато-зеленой

Ципрея тигровая *(Cypraea tigris)*

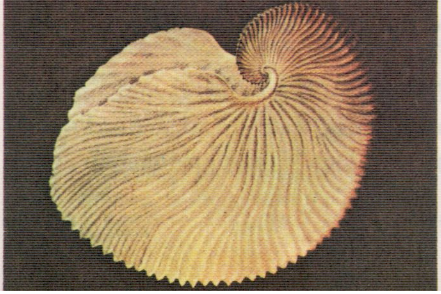
Агама гладкая
(Agama a. lionotus)

Гигантский палочник
(Palophus regigrandidier)



Цикады-флатиды
(Ityraea gregoryi distant) на хирантусе шероховатом
(Achyrantheus aspera)

Аргонавт *(Argonauta hyans)*



Нудаурелия лимонная
(Nudaurelia cytheraea)

окраской, но чем темнее становится их окраска, тем ниже они спускаются, и таким образом в целом создается впечатление увядающего цветка.

Я никогда не находила это чудо маскировки сама, но, так как я хотела нарисовать его и пополнить мою коллекцию «Чудес природы», мне пришлось позаимствовать на время музейный экспонат.

Растение *(Achyrantheus aspera)*, на котором на рисунке видны цикады-флатиды, — обычная сорная трава. Она рассеивает свои семена с помощью крошечных острых крючков, которые цепляются за все, что задевает их. Поэтому это растение встречается очень часто.

Вот что сказано у Роберта Ордри* о цикаде-флатиде:

«В Кении обитает создание, называемое цикада-флатида... Но, если говорить более точно, то, с чем меня познакомил д-р Лики, было соцветием кораллового цвета в виде кисти, состоящей из множества мелких цветков, как у алоэ или гиацинта.

Однако мне еще только предстояло изумляться... Кораллового цветка в природе не существует... Эту форму создало сообщество цикад-флатид. Каждый цветок, имеющий продолговатую форму, примерно один сантиметр длиной, при более пристальном рассматривании оказывался крылышком насекомого. Колония насекомых цеплялась за мертвую высохшую ветку так естественно, что создавала впечатление живого цветка, и казалось, что вот-вот вы почувствуете его весенний аромат.

Я все еще не мог прийти в себя от этого удивительного явления, когда знаменитый кениец новыми сведениями еще более усугубил путаницу в моих познаниях о цикаде-флатиде. Он рассказал мне, что в Кориндонском музее ему удавалось разводить целые поколения этих маленьких созданий. И в каждой ежедневной кладке яиц всегда оказывается по крайней мере одно яйцо, из которого развивается создание не с коралловыми, а с зелеными крылышками, и из нескольких яиц появляются насекомые с крылышками промежуточных оттенков.

Я вгляделся повнимательнее. На кончике цветка-насекомого была единственная зеленая почка. Позади нее находилось полдюжины частично распустившихся цветков только с коралловыми про-

---

* Robert Ardrey, African Genesis, London—New York, 1961. — *Прим. автора.*

жилками. Еще ниже на ветке сгрудилась основная масса цикад-флатид — все с крыльями чистейшего кораллового цвета, таким образом, скопление насекомых производило полное впечатление цветка, и это скрывало их от глаз даже самых голодных птиц.

...Лики потряс растение. Потревоженные цикады поднялись и замелькали в воздухе. Они, казалось, нисколько не отличались от роя мотыльков, которых часто можно встретить в зарослях Африки. Затем насекомые вернулись на свой стебель. Беспорядочно опустились, и на какое-то мгновение стебель ожил, пока меленькие создания взбирались, переползая друг через друга. Но это движение не было беспорядочным. Вскоре стебель был неподвижен, и снова можно было созерцать цветок. Зеленый «вождь» вновь занял место бутона, а его разноцветные компаньоны расположились позади, на своих обычных местах. Перед моим взором появился прелестный коралловый цветок, который не существует в природе».

Палочник

Этого гигантского колючего палочника *(Palophus Regi grandidier)* я также взяла в музее. Экземпляры, которые я находила сама, никогда не были такими эффектными по сравнению с тем палочником, которого я нарисовала здесь. До тех пор пока насекомое не двигается, его почти невозможно обнаружить в колючем кустарнике не только из-за его окраски, но также из-за формы тела. Длина насекомого двадцать три сантиметра, а с вытянутыми вперед лапами — около сорока сантиметров. Размах крыльев — около пятнадцати сантиметров.

Раковина каури

На всем побережье Кении насчитывается сорок три вида каури*, из которых ципрея тигровая *(Cypraea Tigris)* — самая распространенная, а также одна из самых больших по величине. Несмотря на

* Каури — раковины многих видов моллюсков ципрей. Очень часто и сейчас эти раковины используются в качестве денег в некоторых районах Азии и Африки.— *Прим. ред.*

это, в течение долгого времени, когда исследовала побережье, только однажды я нашла раковину, в которой обитало живое существо. Может быть, это я пропускала их, потому что живая каури почти совершенно сливается по цвету с песчаным дном моря, и я, вероятно, могла проходить мимо, не замечая ее. Ципрея тигровая обычно располагается на зеленых, похожих на траву водорослях, которые в некоторых местах покрывают песок. Передвигаясь, она использует мягкие части своего тела и гибкие подвижные щупальцевые придатки.

Хамелеоны

К хамелеонам я питаю особую слабость, самые нежные чувства, так как для меня они являются тем самым «исключением из правил», которое относится к ящерицам. Для того чтобы поймать насекомое, хамелеоны способны с быстротой молнии выбрасывать свой клейкий язык, равный по длине почти длине его тела. Глаза у хамелеонов могут вращаться независимо друг от друга в разные стороны, а два сросшиеся пальца, приспособленные для хватания, противопоставлены трем другим. У них есть также приспособленный для обхватывания ветвей цепкий хвост, который может закручиваться спиралью.

Некоторые виды хамелеонов откладывают яйца, а другие — яйцеживородящи.

Одни из хамелеонов откладывают до сорока и более яиц, зарывая их в землю в теплое время года, другие производят на свет нечто похожее на искусно свернутые «пакетики» длиной в два с половиной сантиметра. Мы наблюдали за одной самкой длиной около тринадцати сантиметров, которая отложила по кругу на расстоянии тридцати сантиметров друг от друга тридцать шесть таких «пакетиков». Прорывая тонкую оболочку, из «пакетиков» через несколько минут вылуплялись молодые особи и, еле передвигаясь, ползали по своей территории.

Всем известна вошедшая в поговорку способность хамелеонов изменять свою окраску, но я только теперь узнала, почему это происходит. Американский зоолог Сара Атсат только что закончила ра-

боту по изучению хамелеонов, которую вела в течение года. Демонстрируя нам в Кориндонском музее, где мы встретились, как изменяется окраска хамелеонов, она поместила несколько их штук в стеклянные сосуды, каждый из которых был накрыт папиросной бумагой разного цвета. Однако какими бы яркими ни были эти цвета, они не оказывали никакого воздействия на хамелеонов*. Затем она стучала по стеклу и производила различные шумы, но и это не дало никаких результатов. Потом она попеременно помещала в горячую и холодную воду, но и резкое изменение температуры не вызывало никакого изменения окраски. Наконец, она поместила рядом с резервуарами живую змею, и тотчас же хамелеоны приняли очень темную окраску.

Делая зарисовки трехрогового хамелеона Джексона (*Chamaeleon Jacksoni*), я узнала и о других особенностях этих удивительных существ. Мой натурщик был самец, так как у него имелись рога, которые у самок отсутствуют**. Чтобы он не смог улизнуть во время сеанса, я посадила его на ветку, закрепив шелковыми нитями в требуемом положении.

Я бы хотела еще упомянуть, что общепринятое мнение о медлительности хамелеона является ошибочным. Наблюдая многих хамелеонов, я узнала, что они могут двигаться с удивительной быстротой, если хотят скрыться.

Что же касается моего «натурщика», то он стал моим спутником на долгое время. Я только начала делать зарисовки, как Джорджа вызвали в Марсабит по расследованию дела о браконьерстве. А так как мой хамелеон был великолепным экземпляром и мне хотелось закончить его «портрет», я поместила его в ящик с травой и снабдила достаточным количеством живых насекомых на время путешествия. В Марсабите я продолжала рисовать хамелеона. Но прежде чем я закончила зарисовки, нам пришлось пройти еще километров триста, и бедный хамелеон побывал опять в экспедиции. К счастью, место нашего назначения находилось недалеко от первоначального места обитания хамелеона, где мы наконец и выпустили его на волю.

---

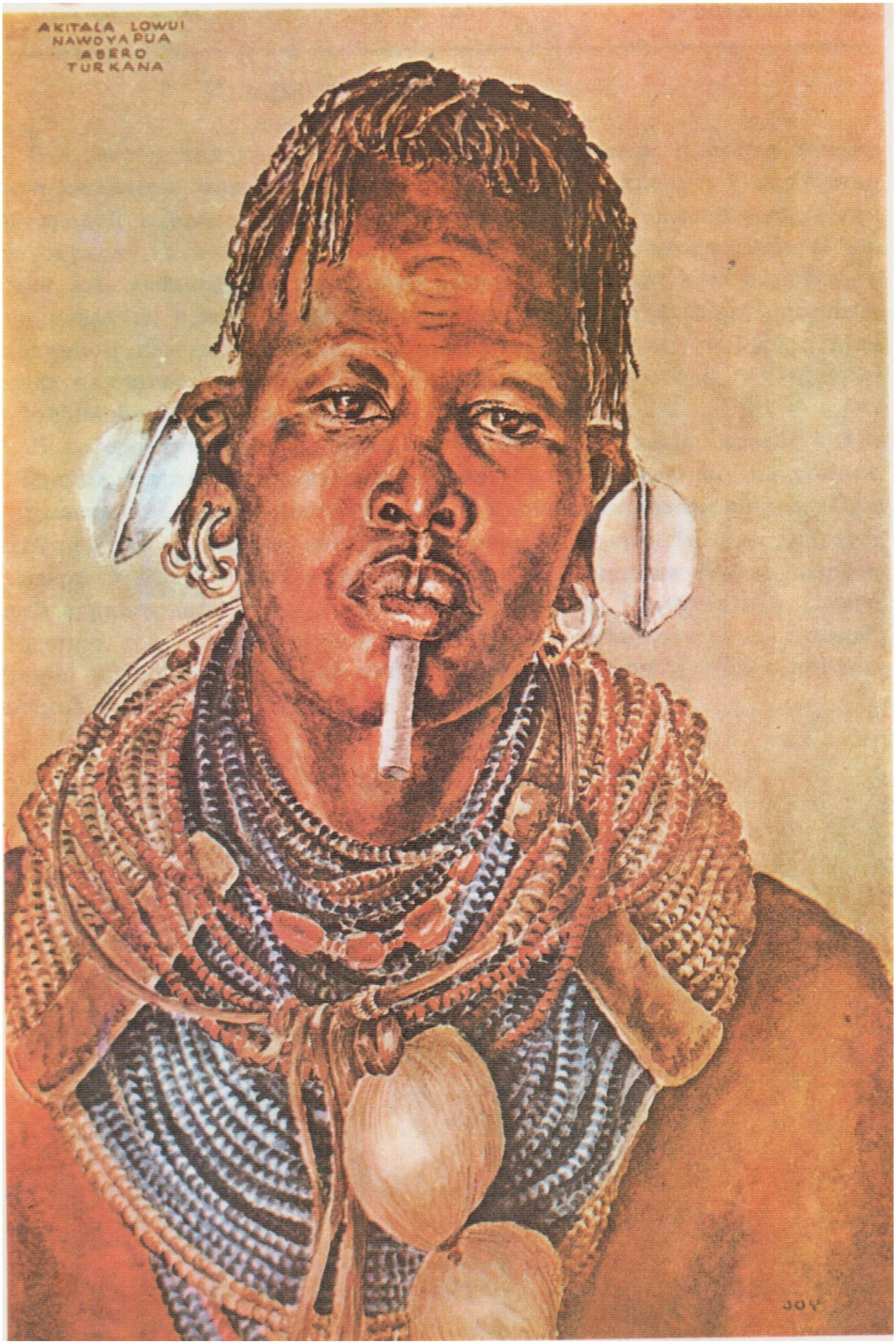
* Изменение окраски хамелеонов — сложный процесс. Она может меняться в зависимости от субстрата, на котором находятся животные, а также когда хамелеоны находятся в состоянии сильного возбуждения или испуга.— *Прим. ред.*

** Точнее говоря, у самок рога выражены очень слабо. — *Прим. перев.*

Ящерица агама

Эта безобидная дружелюбная ящерица Agama a. lionotus, так же как и хамелеон, может изменять свою окраску, сливаясь с окружающей средой и становясь почти незаметной. Самец имеет весьма яркую окраску, и поэтому трудно поверить, что он может менять ее. Самка же, меньшая по размерам, имеет более защитную окраску — коричневатую, с темно-красными пятнами. Однако я могу с полным основанием утверждать, что ящерицы агамы меняют свой цвет. Мне иногда случалось обнаружить среди окружающей среды эту ящерицу только благодаря движению ее глаз.

В лагере три пары ящериц, обосновавшиеся возле моего гепарда Пиппы, стали почти ручными. Они, бывало, грелись на солнце на поваленном стволе дерева, когда я проходила совсем рядом. При малейшей же явной опасности их головки начинали быстро двигаться вверх и вниз, и затем агамы исчезали в пустом стволе дерева. Часто я наблюдала пары этих ящериц во время брачных игр. Самец энергично тряс своей оранжевой головкой, устремляясь за самкой, которая изгибала свое тело дугой. При этом окраска обоих партнеров становилась очень яркой.


AKITALA LOWUI
NAWOYAPUA
ABERO
TURKANA
JOY

5. ПЛЕМЕННЫЕ ТРАДИЦИИ

В 1945 году, сразу же после войны, я должна была на несколько месяцев поехать в Лондон, чтобы поправить свое здоровье. Коротая длинные и одинокие вечера, я надумала вырезать из слоновой кости этнографический комплект в виде шахмат.

Чтобы вырезать фигурки похожими на представителей тех племен, которые мне хотелось изобразить, необходимы были живые натуры, с которых я хотела сначала нарисовать портреты, потому что фотографии не могли дать точного представления. Таким образом, прежде чем уехать из Кении, я начала делать наброски представителей различных племен. У меня не было опыта в портретной живописи, и поэтому я применяла различный подход к каждой персоне. В одном случае я начинала с носа, а затем группировала остальные черты вокруг него, в другом — я сначала набрасывала общие очертания головы. Несмотря на сложность моих поисков, мне удалось сделать достаточное количество набросков на бумаге. Наконец, я приобрела в Департаменте охоты сырье — слоновую кость и распилила ее на куски разной величины соответственно задуманным различным пропорциям шахматных фигурок.

Уже в Лондоне, когда я начала заниматься резьбой, я обнаружила, что слоновая кость исключительно твердый материал, и тогда я поняла, почему африканцы прежде чем начать делать украшения неделями выдерживают слоновую кость в навозе — аммиак размягчает ее. Я воспользовалась этим африканским методом. Затем я применила электрическую зубоврачебную бормашину, но результат меня разочаровал. Поэтому полностью я закончила только голову жирафа.

Надеясь усовершенствовать свое искусство в портретной живописи, я в течение трех месяцев посещала художественную школу Слейд. Я была благодарна за предоставленную мне возможность заниматься в этой школе, но не совсем удовлетворена, так как пришлось некоторое время вычерчивать заглавные буквы греческого алфавита. Мне казалось, что это не могло помочь моему желанию усовершенствоваться в портретной живописи.

Тем временем мне посоветовали предложить сделанные мною зарисовки кенийцев журналу «Джиогрэфик мэгэзин». К моему удивлению, в январе 1948 года журнал опубликовал их в цвете. Я была еще больше удивлена, когда позднее оригиналы были закуплены Джоном Рамоденом, который передал их Кориндонскому музею в Найроби.

Когда я вернулась в Кению, у меня появилось желание сделать как можно больше портретов африканцев, и я попросила своего друга познакомить меня с несколькими специальными уполномоченными различных районов, в которых местные племена еще почти полностью сохранили свои обычаи. Я надеялась, что эти чиновники, возможно, помогут мне найти нужных натурщиков. Я не могла говорить на местном диалекте с моими натурщиками, и даже с теми немногими, кто понимал язык ки-суахили, обычно наш разговор ограничивался сведениями о количестве у них жен и детей, о пище и т. д. Многие никогда еще до этого не сидели так близко с европейской женщиной, не говоря даже уже о таком длительном общении, и кенийцы не только были скованны, но даже несколько напуганы этим обстоятельством. Чтобы создать непринужденную обстановку и нейтрализовать их напряжение, я предлагала им, кроме денежного вознаграждения, сласти и табак и жестами выражала свое восхищение их украшениями и прическами. Этот прием хорошо срабатывал в отношении женщин, но с мужчинами дело было хуже. В целом же я не испытывала особенно больших затруднений. Для того чтобы сохранить живость лиц моих натурщиков, я вынуждена была больше полагаться на молчаливый язык глаз, чем на слова, хотя это часто мешало мне работать. Мои трудности усугублялись еще и тем, что моя «студия» находилась обычно под деревом и свет перемещался вместе с движением солнца, а направление теней постоянно менялось. К тому же случайные порывы ветра наносили пыль на рисунок, поэтому я ограничилась акварельными красками, так как они быстрее высыхали и были удобны для транспортировки при переездах.

Вначале меня привлекал живописный вид одежды африканцев, но вскоре я поняла, что их орнаменты служили не только украшениями. Они являлись и символами их общественного положения, возраста и рода занятий. Поэтому меня заинтересовало, почему несколько неродственных племен носили одинаковые орнаментальные украшения. Особенно я была удивлена, когда встретила женщину из племени пигмеев у подножия горы Рувензори. Она носила почти такое же ожерелье, как мужчины из племени вакамба*, живущие недалеко от Найроби, а также мужчины из племени габра (относящегося к хамитской ветви), живущие в районе кенийско-эфиопской

* Группа племен, относящихся к языковой семье банту.— *Прим. перев.*

HADRAMOUT - MALINDI
ARAB

WAKUREA BULUSHI
GARASHI
GIRIAMA

границы. Эти племена не только не были связаны родственными или культурными узами, но и жили тогда на расстоянии сотен километров друг от друга. Меня осенила догадка, не является ли ношение одинаковых украшений признаком возможной миграции отдельных племен и не могли ли они в процессе этого обмениваться некоторыми украшениями, перенимать обычаи и т. д.

Мне известно, что самым общепринятым подтверждением национального родства является общность языка, но сравнение данных о материальной культуре часто дополняет это положение. Мне пришла мысль, что если бы я смогла подтвердить мои догадки, рисуя портреты представителей всех племен Кении во время их различных занятий и церемоний, я, вероятно, могла бы помочь выяснению некоторых все еще не исследованных маршрутов миграции племен. Такие своеобразные доказательства могли бы представить несомненную ценность, потому что многие племена Кении уже начали заменять свою традиционную одежду на европейскую, и вскоре их национальные наряды могут быть забыты, если их не запечатлеть на картинах. Эта идея была очень заманчива, однако у меня не было ни денег для осуществления этих замыслов, а на завершение их потребовалось бы много лет, ни соответствующих прав, чтобы договориться о необходимом сотрудничестве с африканцами, которые могли бы разрешить мне запечатлеть их тайные обряды. Поскольку я не была ни профессиональным художником, ни антропологом, я не чувствовала себя вправе просить правительство Кении о такой поддержке.

Но тем не менее меня так увлекала живопись, что я продолжала делать зарисовки любой попадающейся мне натуры. В это время я остановилась в Капсабет с моим другом Джоном Торпе, который управлял районом Нанди. Когда Джон спросил меня, не напишу ли я масляными красками портрет представителя племени нанди во весь рост в мундире и снаряжении, который должен быть затем помещен в мемориале, я заколебалась. Я никогда раньше не писала масляными красками, а тем более картины такого большого размера. Это должен был быть поясной портрет солдата в полном военном обмундировании. Однако, несмотря на мои сомнения, Джон уговорил меня сделать попытку. Мы договорились, что он не будет считать себя обязанным приобретать этот портрет, если тот получится плохим, а если работа закончится успешно; то он заплатит мне гонорар в 15 фунтов.

В это время в семье Торпов гостил один правительственный чиновник, которого я ранее не встречала, так как он был в отъезде. Он вернулся как раз в тот момент, когда я, переоборудуя свою веранду в студию, пыталась усадить моего натурщика во всем его военном снаряжении для позирования. Как бывший армейский офицер, он помог мне правильно установить ружье и проследил, чтобы медали были расположены в должной последовательности и чтобы широкополая шляпа была надета под правильным углом.

После того как я сделала набросок, нанеся предварительные контуры, мой новый знакомый расстегнул свое обмундирование, и мы разговорились, сидя под локвой*. Его заинтересовали мои работы, а также идея создания серии документальных зарисовок представителей племен Кении в их национальных костюмах.

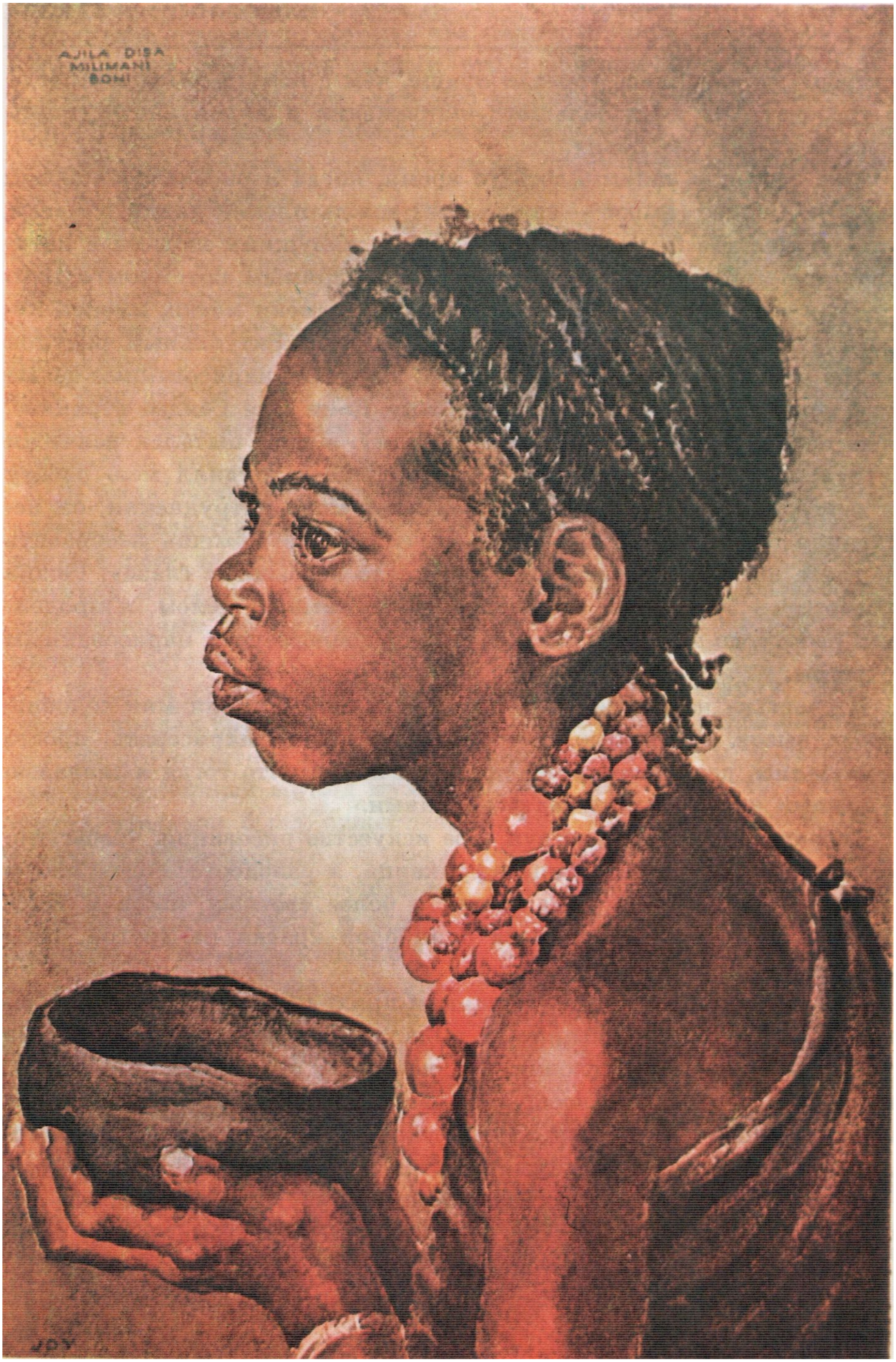
Когда же он представился как Пат Уильямс — чиновник Министерства социального обеспечения по делам Африки — и предложил взять с собой мою коллекцию картин в Найроби и ознакомить с ней губернатора и членов Законодательного совета для того, чтобы они смогли дать мне заказ, как художнику, я согласилась. Итак, моя мечта стала явью, и моя жизнь на последующие шесть лет была определена. Я и не представляла себе тогда, что с этого момента я буду путешествовать по самым отдаленным уголкам Кении и рисовать воинов, танцоров, шаманов, колдунов, прорицателей, заклинателей дождя, кузнецов, старейшин, невест и вдов и даже такие тайные обычаи, как обрезание, и что в конечном счете я нарисую семьсот портретов, в которых будут отражены отдельные события и жизнь пятидесяти четырех основных племен Кении.

В моей книге «Народы Кении» я подробно описала свои наблюдения за этот период. Сегодня около двухсот моих самых лучших работ выставлены в правительственной резиденции, а большинство остальных находится в Национальном музее в Найроби.

Не говоря уже о том, что мне посчастливилось составить исторической важности отчет, меня радовало и то, что я сумела передать характер личности людей и тем самым сделала не только общий этнографический обзор, но и создала коллекцию образов людей. С помощью установившегося между мною и натурщиками «немого языка

---

* Японская мушмула *(Eriobotrya japonica)* — вечнозеленое дерево из семейства розовых; часто культивируется из-за сочных вкусных плодов желтого цвета. — *Прим. перев.*


AJILA DISA
MILIMANI
BONI
JOY

взглядов» мы общались гораздо лучше, чем с помощью слов. Иногда это требовало от меня большого напряжения и имело почти гипнотический эффект на обоих.

Мне особенно запомнилось то время, когда я рисовала олойбони Кони Оле Сендео (laibon — священный вождь племен нанди и масаи, считающийся как бы посредником между живущими людьми и потусторонним миром). Кони Оле Сендео был прямым потомком одного из самых знаменитых священных вождей племени масаи, именем которого названа одна из вершин горы Кении. Ритуальный рисунок на лице вождя, выполненный краской, включает нарисованные белые круги вокруг глаз. Это придавало лицу Кони Оле Сендео странное, почти нечеловеческое выражение. К тому же он пытался всячески смутить меня и таким образом еще больше затруднял мою работу над передачей его взгляда. Убедившись в моем затруднении, он неожиданно заметил: «Я не удивлен, что ты не можешь изобразить мои глаза на твоей бумаге, потому что это необычные глаза». Решив опровергнуть это смелое заявление не словами, а делом, я продолжала работу до тех пор, пока не была удовлетворена нарисованным портретом.

К счастью, немногие из моих натурщиков бросали мне подобного рода вызов. Некоторые из тех, кого я хотела нарисовать, просто отказывались позировать мне, так как считали, что тогда я завладею их душами и буду властвовать над ними.

Старательно совершенствуя свое искусство рисования, чтобы отобразить богатство красок лица африканца, я разработала свой собственный метод. Обычно я начинала с более светлых тонов и переходила к более темным, нанося один слой краски на другой, пока не достигала желаемого эффекта.

Так как многим моим натурщикам приходилось добираться издалека, я составила расписание и выделяла по два дня занятий на каждого человека, при условии, что они будут приходить рано утром. Однако это редко случалось, и я часто была вынуждена рисовать многочисленные нити бус и другие украшения уже ночью после того, как предварительно делала наброски их расположения на натуре. Иногда цвет бус не соответствовал моему вкусу, но, так как они были строго обрядного характера и обозначали ранг того, кого я рисовала, у меня не было другого выхода, как точно копировать модель. Мое желание изменить портреты по композиции и размеру было не-

исполнимо, отчасти и потому, что размер бумаги должен был быть стандартным, а также и потому, что я обязана была показать украшения в самом выгодном свете. Но в конечном счете украшения, которые символизировали общественное положение моих натурщиков, оказывались настолько причудливыми, что они невольно сводили на нет все эти проблемы.

Интересно было видеть реакцию африканцев на свои портреты. Большинство из них были ошеломлены тем, что я делала, и, тщательно рассмотрев свои собственные изображения со всех сторон, заявляли, что они не могут понять, каким образом человеческая голова изображена в двух измерениях. Однако многие из них умели вырезать фигурки из кости в трех измерениях. Тем более я испытывала гордость, когда некоторые из них, оценив по достоинству свой портрет, предлагали мне скот и другое ценное имущество.

Я была изумлена, когда однажды увидела у шамана то, что, мне кажется, является основой импрессионизма. Он нес ритуальный деревянный шест, который оканчивался фигурками мужчины и женщины. Фигурка женщины была вырезана из кости очень тщательно со всеми подробностями, в фигурке же мужчины не хватало характерной анатомической детали.

Когда я спросила, почему он не закончил фигурку мужчины, шаман придал своему лицу отсутствующее, безразличное выражение, что, по его понятию, было характерно для женщины, а затем передал высокомерный взгляд мужчины. Для него, очевидно, суть выражения взглядов была существеннее, чем точная анатомия. Шаман сделал также несколько рисунков, символизирующих злых духов различных болезней, от которых его часто просили излечить больные. Духи были изображены в виде контуров человеческих фигур, а грудная клетка, живот и конечности были схематизированы под различные геометрические фигуры, аналогичные тем, которые я уже встречала вырезанными из дерева в различных районах побережья. Я была потрясена этими превосходными изображениями анатомии человеческого тела в абстрактной форме, выполненными такими на вид простыми людьми, особенно по сравнению с некоторыми видами абстрактного искусства в цивилизованных странах.

Из всех различных форм искусства, в которых человек проявил себя с незапамятных времен, больше всего я ценю египетскую культуру, ибо я уверена, что она достигла непревзойденного сочетания подлинно реалистического и чисто абстрактного объяснения в передаче того, что хотел выразить художник.

6. НЕКОТОРЫЕ ЖИВОТНЫЕ

ГОРНЫЙ ДАМАН

Мы расположились лагерем в нескольких километрах от экватора, на высоте около 2500 метров. Во время завтрака к нашей палатке подошел один из местных жителей. В руке он держал крошечное животное.

Когда я внимательно осматривала это маленькое живое существо, которое было так мало, что еще и пуповина его не зажила, я и не предполагала, что передо мною находится тот, кому предстояло стать моим самым близким другом в течение последующих шести с половиной лет. Это была самка дамана в возрасте одного-двух дней.

Тогда я ничего не знала о даманах, за исключением того, что из-за особого строения зубов и лап им приписывают родство со слонами и что они упоминаются в Библии как кролики. Я также знала, что существуют два вида даманов. Один — ночной обитатель, лазающий по деревьям и ведущий уединенную жизнь. Этот вид, относящийся к роду древесного дамана *(Dendrohyrax),* славится своим режущим слух визгом, который потрясает лес в ночное время. Другой вид *(Hyrax procavia brucei)* ведет дневной образ жизни и живет колониями на скалах. Обычно его называют горный даман. В Южной Африке обитает капский даман, или жиряк *(Hyrax procavia capensis).*

Так как животное было слишком мало для того, чтобы можно было определить его вид, я предположила, что это мог быть древесный даман. Вспоминая их репутацию крикунов, но желая быть вежливой, я назвала маленькое животное Пати-Пати в честь примадонны Аделины Патти*. Однако, к моему удовольствию, я вскоре обнаружила, что после захода солнца Пати-Пати не испытывала никакого желания развлекать нас, а быстро засыпала с наступлением сумерек и до утра не издавала ни единого звука. Но к тому времени, когда я поняла, что это горный даман, мне уже не хотелось менять имя, которое так хорошо, казалось, подходит самочке, и она осталась Пати-Пати.

---

* По имени знаменитой итальянской певицы.— *Прим. перев.*

Я пыталась кормить ее разбавленным неподслащенным молоком «Идеал», используя импровизированные соски, сделанные из замши, но в течение трех дней Пати упорно отказывалась от пищи. Наконец нам удалось «влить» в нее молоко, используя шприц для подкожных впрыскиваний с металлическим наконечником, и с этого момента каждый день в течение восьми месяцев Пати жадно выпивала огромное количество молока «Идеал». На воле, несомненно, она бы перестала сосать раньше, но ей так нравилась «ее бутылка», что она долгое время отказывалась от твердой пищи даже уже после того, как могла есть с помощью зубов.

Хотя Пати от роду было только один или два дня, когда она попала к нам, она сразу приспособилась к нашему образу жизни. Днем большую часть времени она проводила на моем плече, а ночью устраивалась вокруг моей шеи. Скоро я привыкла носить эту маленькую живую горжетку.

У всех даманов на спине есть железа, которая просматривается в виде светлого пятна неправильной формы величиной около пяти сантиметров. Когда животное находится в возбужденном состоянии, вызванном радостью или испугом, железа выделяет клейкое вещество, не имеющее запаха; одновременно шерсть на этом пятне животного встает дыбом.

Пати была самым чистым существом, которое я когда-либо встречала, и я с удивлением наблюдала, как она постоянно почесывала себя коготком, который у горных даманов находится на внутренней стороне пальца каждой задней лапы. Позднее я узнала, что он называется «коготком для туалета» и используется животным, чтобы приводить себя в порядок. Во многих отношениях горные даманы весьма интересные существа, и они все еще продолжают вызывать удивление зоологов. В настоящее время даманы своими размерами не превосходят дикую морскую свинку, но в Египте были обнаружены ископаемые формы различных видов этой группы размером с лошадь. Большие пальцы даманов, за исключением одного, снабжены уплощенными когтями, напоминающими маленькие копытца. Это исключение весьма удивительно. Второй палец, лежащий глубоко внутри, снабжен не копытцем, а длинным изогнутым когтем («коготком для туалета», о котором я уже упоминала), напоминающим то приспособление, которое имеется у лемуров. Имеются также другие ха-

рактерные особенности, которые дают основание считать, что даманы произошли от очень примитивной формы млекопитающих.

Область распространения даманов ограничивается Африкой и восточным побережьем Средиземного моря.

Всего насчитывается около четырнадцати* различных видов даманов. У даманов есть особенность, которая заключается в том, что на ступнях имеется углубление, которое специальными мышцами поднимается при опоре лапы о камень, и между ступней и камнем создается вакуум, что позволяет даману удерживаться на вертикальных поверхностях скал и стволов деревьев. Их зубы похожи на зубы носорога, в частности тем, что у них имеется только две пары резцов, причем, верхняя пара не имеет корней, но две пары нижних передних резцов имеют их.

Из других особенностей внутреннего строения следует указать на большое количество у даманов позвонков — от двадцати восьми до тридцати. Ключица даманов недоразвита, хвостовых позвонков очень много, отсутствует желчный пузырь, а верхняя губа раздвоена. Их глаза также отличаются от глаз других млекопитающих тем, что они могут двигать мигательной перепонкой. Строение желудка сходно со строением желудков лошадей и носорогов. Плацента как у слонов и плотоядных животных. Многие виды даманов имеют три пары сосков, одна из которых находится у передних конечностей, а другие расположены сзади. Но три вида древесных даманов имеют только одну пару сосков.

Каким бы удивительным созданием ни делали все эти особенности дамана, я ценила Пати не столько за них, сколько за ее замечательный характер. Она, бывало, делала многое только для того, чтобы доставить мне удовольствие, но силой от нее никогда ничего нельзя было добиться. У Пати не было никаких защитных средств, кроме быстрой реакции, неимоверной храбрости и сильных передних зубов. По своей натуре она походила на домашнее животное, и ее легко было приручить. Живя у нас, Пати приспособила свои привычки. На воле даман всегда бы использовал в качестве уборной одну и ту же скалу, с которой он сбрасывал бы свой помет до тех пор, пока эта скала не станет грязной. Пати вместо

* По последним данным, существует около десяти различных видов. — *Прим. ред.*

скалы пользовалась унитазом в нашей туалетной комнате. Она усаживалась на сиденье, как на насест, и аккуратно сбрасывала помет в воду. Как бы ни удобна была ее привычка в городских условиях, она превращалась в проблему, когда мы находились в поездках и туалет отсутствовал. Желудок у Пати не работал, если под ней не было воды, и нам пришлось придумать замену — нечто похожее на унитаз из старого фильтра, к которому Джордж пристроил деревянное сиденье.

Даманы — вегетарианцы, а Пати особенно любила растения, содержащие млечный сок (хотя для многих животных он ядовит), фиговые листья и молочай, который, кстати, также любят и слоны. Это было ее любимой пищей. Большую часть дня она питалась дикими растениями, но никогда не упускала случая прыгнуть на стол и, расположившись около моей тарелки, разделить со мной трапезу. Особым лакомством для нее были продукты, содержащие крахмал, такие, как хлеб, пау-пау, картофель, рис и овсяная каша, а бананы, яйца и манго всегда являлись предметом нашей ссоры, поскольку каждый из нас старался захватить эти лакомства себе.

Величайшей слабостью Пати был алкоголь — она была пьяница. Конечно, мы держали под контролем эту плохую привычку, но Пати была необычайно хитра, и, где бы ни обнаруживала бутылку со спиртным, она переворачивала ее, вытаскивала зубами пробку, выпивала содержимое и отправлялась на прогулку.

Она делила с нами все трудности и участвовала во всех наших экспедициях. Когда мы отправлялись пешком или верхом на мулах, Пати приходилось сидеть у меня на плече. Приучить двух животных друг к другу было делом непростым, и вначале нам приходилось что-то придумывать или идти на обман. Но вскоре мул привык к тому, что Пати прыгала у него на спине, куда она спускалась с моего плеча, чтобы найти более прохладное место, и терпеливо переносил ее гимнастические упражнения. С другой стороны, Пати умело цеплялась каждый раз, когда на узкой тропе неожиданный толчок мула отбрасывал нас к дереву или к скале.

Несколько раз Пати была вынуждена путешествовать на одномачтовом судне и терпеливо сносила брызги, когда море было неспокойно. Ее хорошо знали на побережье. Она часто посещала темные хижины рыбаков, вблизи которых мы разбивали наш лагерь, и хозяева угощали ее лакомствами — финиками и орехами кэшью.

Но из всех путешествий, которые мы совершали вместе, Пати больше всего понравилось восхождение на гору Кения. Там на вересковых лужайках, на высоте 3000 метров, она действительно была в своей стихии. Однажды мы видели очень красивого дамана с красновато-коричневой шерстью гораздо большего размера, чем Пати, среди скал на высоте 4500 метров. Очевидно, это был горный даман, так как там не было деревьев, за исключением нескольких гигантских крестовников, которые для дамана не представляли никакого интереса.

У Пати были неограниченные возможности встречаться с дикими даманами, но, как ни странно, она никогда не проявляла ни малейшего интереса к ним и всегда оставалась безразличной к своим сородичам.

Пати было около года, когда мне принесли совсем молодого дамана. Я надеялась, что она подружится с ним, но единственным чувством, которое вызывал его вид у Пати, была ревность, и я вынуждена была отпустить малыша на волю, иначе она могла бы его убить.

Когда правительство Кении поручило мне сделать зарисовки представителей местных племен в национальных одеждах, Пати на протяжении многих месяцев была моим идеальным компаньоном и хорошим другом. Она также оказывала мне большую помощь в работе с моими натурщиками. Пока я рисовала, она спала у меня на коленях или отдыхала на моем плече, и позирующий мне человек мог наблюдать за ней, отчего выражение его лица становилось более живым.

Пати было пять лет, когда однажды Джордж, вернувшись с охоты за львом-людоедом, принес трех маленьких новорожденных львят, которые, к сожалению, остались сиротами в результате этой охоты. Пати сразу же приняла их с трогательной привязанностью и никогда не выпускала из виду. При возможности она пристраивалась к своим подопечным, что, казалось, им нравилось. Они всерьез принимали ее за равную, но вскоре эти три маленькие львицы начали играть с Пати, толкая ее своими мягкими носами в животик для того, чтобы перевернуть. Она сносила все это с удовольствием. Но потом наступил день, когда дети переросли свою «няню», и Пати, признавая их превосходящую силу, было трудно отражать их нападения во время игр, так как у нее не было никакой другой защиты, кроме

повелительного вида, с которым она обращалась к этим маленьким плутовкам, и тогда они оставляли ее в покое.

До появления львят Пати всегда была номером Первым в нашей семье. После водворения у нас львят ситуация изменилась. Большинство наших гостей отдавали все свое внимание маленьким львятам, а Пати часто оставалось незамеченной. Меня трогала ее чуткая натура — она все понимала, но, казалось, никогда не ревновала к своим соперникам и сохраняла чувство собственного достоинства. Когда я ласкала ее, она обнажала свои резцы, давая понять, что вполне счастлива. К сожалению, нельзя было долго держать трех быстро растущих львиц, которые пользовались у нас полной свободой, и когда им исполнилось пять месяцев, мы отправили двух наших питомцев в зоопарк в Роттердаме. Себе мы оставили самую маленькую из них — Эльсу. Пати и Эльса вели совершенно разный образ жизни и никогда не вмешивались в дела друг друга. Оба животных получали одинаковую долю нашего внимания и имели свои особые привилегии.

Удивительно, что львица и даман, будучи членами нашей семьи, во время многих поездок, которые мы совершали, легко уживались друг с другом.

Когда Пати было шесть с половиной лет, я заметила, что она стареет и становится менее подвижной, чем раньше. Во время наших путешествий по побережью она начала сильно страдать от жары. Я старалась уберечь ее от солнца, но однажды она все-таки получила солнечный удар, сильно заболела и через несколько часов умерла у меня на руках. Прошло много лет, прежде чем я пришла в себя после потери моего друга.

ЛЕОПАРДЫ

Леопард, который уже давно причинял беспокойство местным жителям, нападая на их скот, был наконец пойман в капкан и однажды утром доставлен в Исиоло. Было решено, что Джордж выпустит его на волю в том месте, где он не мог бы причинять вреда. Внимательно рассмотрев испуганное животное, которое металось в маленькой деревянной клетке, мы увидели, что это красивый взрослый леопард.

Когда Джордж отправился на поиски подходящего места, где бы он мог выпустить хищника, я воспользовалась моментом, чтобы

зарисовать зверя. Я никогда раньше не видела так близко живого леопарда и была поражена его изумрудно-зелеными глазами. В то время я еще не знала, что они только тогда приобретают такой цвет, когда животное находится в состоянии неистовства. Медленно подошла я к клетке на расстояние нескольких метров и тихо села в ожидании, когда зверь успокоится. Но он продолжал бросаться на дверь, сделанную из металлических прутьев, злобно рыча при малейшем моем движении.

Неожиданно меня осенила мысль — ответить ему рычанием. Я приложила все старания, чтобы как можно лучше воспроизвести глубокий звук. Этот звук озадачил леопарда, и он тотчас же замолчал. Животное смотрело на меня с ненавистью и стало медленно пятиться в дальний угол клетки, ни на секунду не сводя с меня глаз. Там леопард приник к полу и стал следить за мной, прислушиваясь к моему рычанию. Через некоторое время я прекратила этот «диалог». В одно мгновение леопард, как пуля, бросился в ярости на дверь, пытаясь вырваться наружу. Снова я зарычала, и снова он затих и отошел в глубь клетки, сохраняя спокойствие до тех пор, пока я продолжала рычание. Постепенно я перешла от рычания к мягкому мурлыканью, которое, казалось, действовало на него успокаивающе. Но как только я прекращала мурлыкать, он снова бросался с рычанием на дверь. Мне все-таки очень хотелось зарисовать леопарда, и я вынуждена была мурлыкать без остановки до возвращения Джорджа.

Было уже далеко за полдень, и это было самое лучшее время, чтобы выпустить зверя на волю. И вот около маленького ручья у подножия утеса мы осторожно открыли дверцу и долго наблюдали, как удалялся леопард в лучах заходящего солнца. Для всех нас это был самый счастливый момент.

Как, должно быть, бедное животное ненавидело каждый момент того дня неволи, я поняла только много лет спустя, когда приютила маленькую Тагу — крошечного двухнедельного детеныша леопарда. Она была очень маленькая, большая часть ее кожи была еще розовая, а розочки-пятнышки были так близко расположены друг к другу, что пушистый мех ее шкурки выглядел почти черным. Я не могла бы желать более любящего, кроткого и исключительно смышленого компаньона, каким оказалась Тага, о которой я написала главу в книге «Пятнистый сфинкс». За все время, что мы были с нею

вместе. ее янтарные глаза светились кротко и нежно, когда она была счастлива, и в них ни разу не появился зловещий зеленый оттенок. Подобно Пати, она иногда спала, свернувшись вокруг моей шеи, где, по всей вероятности, чувствовала себя в тепле и безопасности. Когда я поглаживала ее, она издавала слабые звуки.

К несчастью, когда Таге было шесть недель, она серьезно заболела лихорадкой от укуса клеща и вскоре погибла.

ДВА СЛОНЕНКА

Однажды мы получили известие о том, что слоненок, покинутый своей матерью, упал в неглубокий колодец. Его спасли, но он нуждался в срочном домашнем уходе. Будем ли мы ухаживать за ним? Конечно, будем! Было решено, что лендровер заберет слоненка, находящегося примерно в ста километрах отсюда, и на следующее утро привезет его к нам.

Мы сделали все срочные приготовления. К счастью, у нас еще сохранился большой открытый загон, в котором по ночам мы раньше держали Эльсу и где слоненок чувствовал бы себя в безопасности от хищных животных, которые часто бродили вокруг. Загон был заполнен песком и обломками камней, и мы решили покрыть его сверху толстым слоем сухой травы. Я связалась по телефону с несколькими людьми в Кении, уже имевшими опыт в выхаживании молодых слонят, и попросила у них совета. Следуя их рекомендациям, мы приобрели банки с глюкозой и лекарства на случай заболевания воспалением легких и нарушения пищеварения, что могло быть последствием вынужденного пребывания маленького слоненка на дне колодца в течение целой ночи. Мы знали, что слоны, несмотря на кажущийся здоровый вид, являются самыми трудными животными для выхаживания, особенно в самом раннем возрасте, и поэтому обратились также письменно за советом в департамент охраны животных Уганды.

С волнением ожидала я прибытия нашего нового подопечного. Нам впервые предстояло заняться слоненком, и это было большой ответственностью. Я решила назвать его Пампо. Когда он наконец прибыл и был выгружен из машины, его истошные вопли могли бы потрясти даже взрослого слона.

Я попыталась успокоить Пампо. Его живот и уши все еще сохраняли нежно-розовый младенческий цвет, но он был невероятно

сильный. Мы предположили, что возраст его примерно от двух до трех недель. Кожа над глазами и на боках туловища была вся в ссадинах — видимо, он бился о нетесаные стены хижины, в которой провел предыдущую ночь. Слоненок выпил глюкозу и бутылку теплой воды, которую я дала ему для утоления жажды. На этой диете он должен был находиться, пока не прекратится расстройство желудка. По неравномерному дыханию я чувствовала, что у него жар, и дала ему дозу сульфатиазола, чтобы предотвратить воспаление легких.

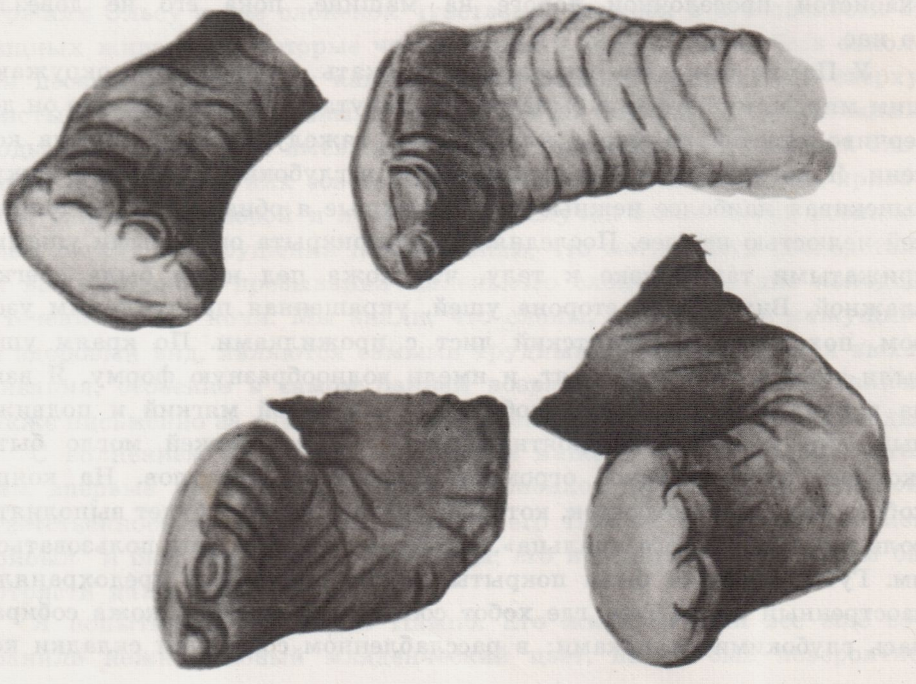
Я села в загоне вместе со слоненком, и скоро бедный маленький Пампо улегся около меня в полном изнеможении. Не удивительно, что он был очень утомлен после всего, что ему пришлось пережить: сначала он получил шок от падения в колодец и потери своей матери; затем, испуганный, он, должно быть, провел долгое время в холодной воде, при этом, вероятно, наглотался грязной жидкости, что было для него небезопасно. Далее последовало тяжелое испытание во время спасения, а затем ночь, проведенная в одиночестве в запертой хижине. Наконец, было и продолжительное путешествие по ухабистой проселочной дороге на машине, пока его не довезли до нас.

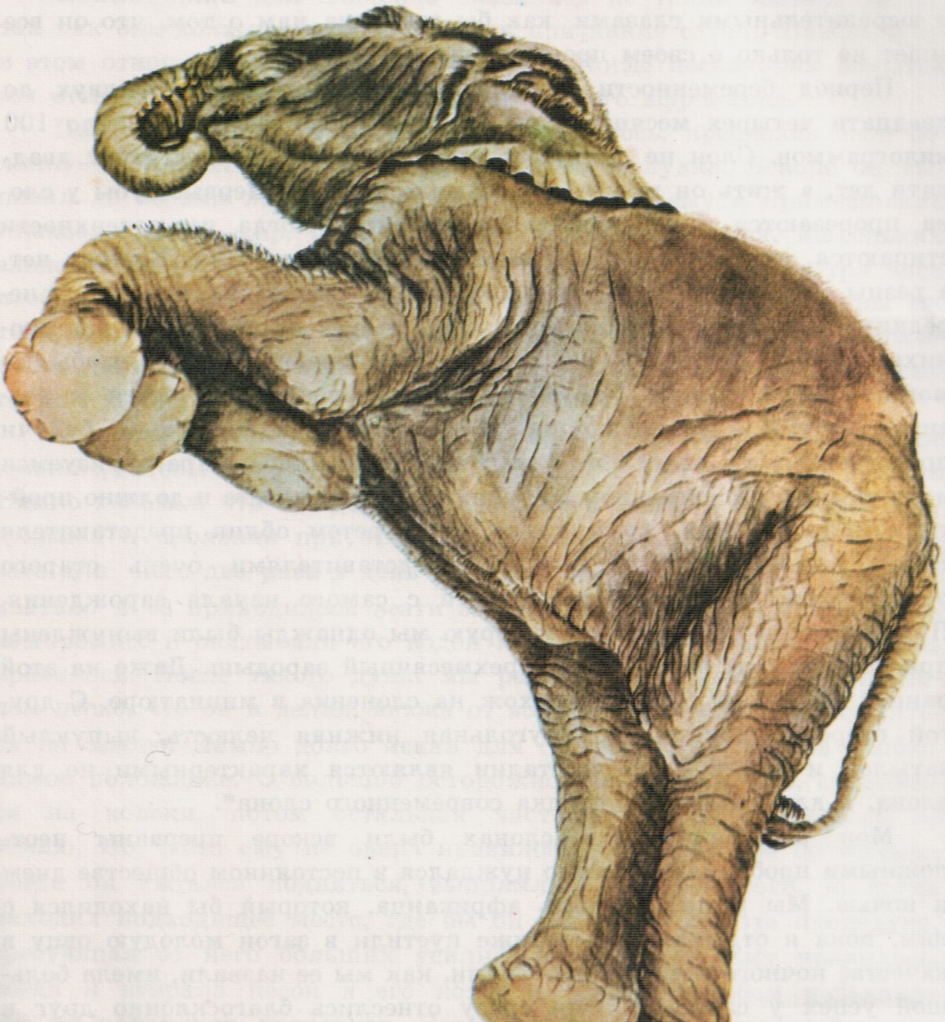
У Пампо были все основания выражать недовольство окружающим миром, и поэтому я была очень тронута, почувствовав, что он доверчиво тянется ко мне и кладет свою тяжелую голову мне на колени. Я поглаживала его шероховатую в глубоких морщинах кожу, выискивая наиболее нежные места, которые я обнаружила под нижней челюстью на шее. Последняя была прикрыта огромными ушами, прижатыми так близко к телу, что кожа под ними была слегка влажной. Внутренняя сторона ушей, украшенная причудливым узором, походила на гигантский лист с прожилками. По краям уши были тонкие, как пергамент, и имели волнообразную форму. Я взяла в руки его крошечный хобот; он был такой мягкий и подвижный, что казалось невероятным, как под его кожей могло быть сконцентрировано такое огромное количество мускулов. На конце хобота находился отросток, который позднее должен будет выполнять роль чувствительного «пальца», но Пампо не умел еще пользоваться им. Губы слоненка были покрыты легким пушком и предохраняли заостренный язык. Там, где хобот соединялся со лбом, кожа собиралась глубокими складками; в расслабленном состоянии складки ко-

жи заходили одна за другую и были похожи на сложенную концертину*. Массивный лоб возвышался над крутыми выступами костей, расположенными над глазницами, и уже выполнял функцию миниатюрного бульдозера. Нам часто приходилось наблюдать, как взрослые слоны упирались лбами в стволы пальм-дум, пока они не начинали клониться и с треском падали на землю, предоставляя слонам возможность полакомиться их излюбленными плодами.

Кожа на столбообразных ногах Пампо, особенно на передних, была плотной и толстой, но подошвы его ног были все еще мягкими и чувствительными к малейшим занозам. Меня это поразило, потому что я знала, что новорожденные детеныши проходят со стадом большие расстояния. Я была изумлена сложным узором его глубоких складок на всем его теле, которые обеспечивали ему свободу движений. Даже если ничего не знать о строении скелета слонов, на основании расположения морщин и складок, идущих в разных направлениях и напоминающих швы, можно предположить,

* Ручная гармоника шестигранной формы.— *Прим. перев.*





какое строение скелета у этого животного. Если взрослых слонов часто сравнивают с реликтами прошлых эпох, то это, казалось, еще больше относится к Пампо, голова которого с глубокими морщинами и выразительными глазами как бы говорила нам о том, что он все знает не только о своем прошлом, но и о будущем.

Период беременности у слонов длится от двадцати двух до двадцати четырех месяцев. При рождении слон весит от 90 до 100 килограммов. Слон не считается взрослым, пока не достигнет двадцати лет, а жить он может до восьмидесяти лет. Первые зубы у слона прорезаются в течение второго месяца. Когда их поверхности стираются, они постепенно заменяются последующими. Клыков нет, а резцы образуют бивни. Соски (их только два) находятся между передними ногами. Я хорошо помню, что, когда я наблюдала, как слониха кормит детеныша, она поднимала переднюю ногу, чтобы он мог подойти к соскам. Утробное развитие слонов отличается от развития других млекопитающих. В то время как мы, люди, будучи представителями одного из самых молодых видов, характеризуемся наличием в эмбриональном состоянии жабер и хвоста и должно пройти немало времени, прежде чем мы обретем облик представителя Homo sapiens; слоны, являясь представителями очень старого рода, похожи на самих себя почти с самого начала зарождения. При вскрытии трупа самки, которую мы однажды были вынуждены пристрелить, мы обнаружили трехмесячный зародыш. Даже на этой ранней стадии он был уже похож на слоненка в миниатюре. С другой стороны, копыта, прямоугольная нижняя челюсть, выпуклый затылок и бивни на этой стадии являются характерными не для слона, а для мамонта — предка современного слона*.

Мои размышления о слонах были вскоре прерваны неотложными проблемами. Пампо нуждался в постоянном обществе днем и ночью. Мы решили нанять африканца, который бы находился с ним, пока я отдыхала. Мы также пустили в загон молодую овцу в качестве ночного компаньона. Силли, как мы ее назвали, имела большой успех у слоненка. Они сразу отнеслись благосклонно друг к другу. Силли повсюду бегала рысцой за своим большим другом, а

---

* По современным научным представлениям об эволюции слонов, мамонт не является предком современных слонов, а представляет собой отдельную самостоятельную ветвь.— *Прим. перев.*

ночью спала рядом, прильнув к нему, и, очевидно, не обижалась, если иногда слоненок нечаянно слегка придавливал ее.

Поиски няни для слоненка оказались не таким легким делом, так как она должна была заслужить признание самого Пампо, а он в этом отношении был очень разборчив. После нескольких попыток мы отыскали достойного компаньона — юного африканца.

После трехдневного ухода Пампо, казалось, преодолел свои болезни — воспаление легких и расстройство желудка. Вскоре он выпивал до восьми литров коровьего молока. К нему я примешивала глюкозу, рыбий жир, рисовый отвар и немножко соли. Маленький слоненок был весьма чувствителен к температуре. Каждые три часа необходимо было подогревать бутылки с едой до температуры его тела, но в остальном у нас не было забот, связанных с его кормлением, хотя в сухой сезон было трудно приобретать молоко в достаточном количестве.

Из соображений чистоплотности слонам необходимо ежедневное купание, чтобы сохранить кожу влажной и здоровой. Как только Пампо доказал, что он здоров, наслаждаясь продолжительными прогулками и проявляя при этом хороший аппетит, мы стали устраивать для него два раза в день грязевые ванны. Но так как воды не хватало и ее приходилось везти за пять километров, мы пошли на компромисс и окатывали его водой из ведра, хотя это ему не очень нравилось. После такого душа мы разрешали ему валяться в теплом песке, что он и делал, визжа от восторга. Прежде чем опуститься на землю, Пампо долго искал для своего тяжелого тела необходимое положение. С большой осторожностью, он, бывало, становился на колени, потом остальная часть его тела опускалась на землю. Но часто ему не очень нравилось найденное им положение. Тогда он пытался подняться, выпрямляя передние ноги, и, когда находил подходящее место, где бы он мог валяться, эта процедура, требующая от него больших усилий, повторялась. Ему нравилось, когда я втирала песок в его кожу и таким способом избавляла его от накожных паразитов. Затем он засыпал довольный, лежа на боку.

Существуют разногласия по поводу того, в каком положении слоны спят. Обычно мы видели, как они стоят в тени дерева в полуденную жару, часто опираясь о ствол дерева, и только в редких случаях вытягиваются на земле. Каждый раз меня поражало, как быстро мо-

гут подниматься эти огромные животные, несмотря на свой шеститонный вес. Пампо подтвердил версию о том, что слон часто использует термитник в качестве подушки. Он всегда пытался держать свою голову выше, чем остальное тело, и часто клал ее на мои колени или на каменную глыбу. Удобно устроившись, он, бывало, сладко похрапывал.

Через несколько дней мы расширили его ночной загон, захватив в его границы основание большого ствола дерева с грубой корой, для того чтобы дать ему возможность тереться об него. До последнего времени он часто использовал для этой цели нас и тогда возникало такое ощущение, что нас скоблят, как теркой сыр. Мы знали, что малейшая грязь в «спальне» Пампо могла иметь серьезные последствия для его здоровья, и поэтому наняли еще одного африканца, чтобы косить свежую траву для загона.

За две недели Пампо утратил свою бледно-розовую окраску, и его тело покрылось блестящим иссиня-черным пушком. Ему необходимо было много двигаться, и мы совершали ежедневные прогулки с четырех часов дня, когда жара уже спадала, и до наступления темноты. Силли всегда присоединялась к нам и с блеянием трусила на небольшом расстоянии позади. Пампо любил прогулки, и, когда я останавливалась, чтобы дать ему отдохнуть, он отталкивал меня в сторону и продолжал свой путь.

В течение первых нескольких дней он никогда не отпускал меня на прогулке и или буквально наступал мне на пятки, или ласкал мою руку хоботом. Но вскоре он научился гулять один, часто останавливаясь, чтобы избавиться от занозы в мягких подошвах своих ног. В этих случаях он всегда был рад моей помощи. Меня интересовало, как поступал бы слон в подобном случае на воле? Может ли слониха-мать извлечь занозу своим хоботом?

Прошло немного времени, и Пампо обнаружил удобные лощины, где он мог вволю валяться в теплом песке. Он также учился преодолевать препятствия, например, перешагивать через поваленные деревья или обходить их. Несмотря на то что слоненок мог быстро взбираться по нескольким ступеням, ведущим в наш дом, он всегда чувствовал себя неуверенно, находясь на мягкой земле, и неохотно спускался даже с очень пологого песчаного склона. Принимая во внимание проворство, с которым взрослые слоны взбираются по крутым склонам и преодолевают пересеченную местность,

по поведению Пампо можно было судить, что это не врожденное искусство, а мастерство, которое приобретается жизненным опытом.

Пампо был очень умным и настойчивым. Если он чего-то хотел, то упорно добивался своего. Особенно его интересовал брезент, которым мы ночью огораживали с подветренной стороны загон. Он часами жевал его твердый край.

Однажды кто-то сказал нам, что палаточный брезент для предохранения от порчи часто пропитывают мышьяком. Наш брезент был старый и выцветший, но, несмотря на это, мы убрали его в целях предосторожности и заменили куском тяжелой материи, которая была натянута на кольях таким образом, чтобы слоненок мог ее жевать. Однако Пампо, неодобрительно покачивая головой, пытался дотянуться до старого брезента, который теперь был для него недосягаем, и даже пытался становиться на задние ноги.

Пампо владел огромным «набором» звуков для выражения своих эмоций. Когда он был доволен, он пронзительно визжал или издавал горловой урчащий звук и при этом нежно обвивал своим маленьким хоботком мою шею или же держался им за руку. Если я отталкивала его хобот, он в отместку посылал мне в лицо струю брызг. Ему, казалось, нравилась эта игра, и, когда я смеялась, он снова направлял струю воды в мою сторону, не дожидаясь подстрекательства с моей стороны. Но если я протестовала против такого душа, Пампо издавал трогательно-нежный звук и пытался убежать. Мы думали, что неприязнь к воде могла быть результатом его пребывания в колодце, и надеялись, что со временем это у него пройдет.

Обороняясь, Пампо отступал на несколько шагов, чтобы обеспечить себе разгон для атаки, но часто он делал это без всякого подзадоривания с нашей стороны, а просто желая показать, что он уже выпил достаточно молока и больше не хочет.

Слоненок был очень постоянен в своих привычках. Он точно знал, когда ему следует есть, спать и совершать прогулки. После двухнедельного пребывания с нами он стал пытаться брать небольшие предметы с помощью хобота, а также отправлять в рот траву. Но что бы он ни делал, он всегда нуждался в обществе и даже по ночам сразу же просыпался, если Силли отодвигалась в сторону.

В течение трех недель Пампо, казалось, был веселым, быстро растущим слоненком. Но затем я заметила, что его голова стала заметно худеть и он стал менее подвижным. Количество потребляемо-

го молока сократилось с восьми литров в день до шести бутылок. Мы считали, что причиной потери веса и аппетита могла быть зубная боль, так как Пампо постоянно тер свои десны обо все, что ему попадалось. Его любовь ко мне была трогательной. Казалось, он чувствовал себя спокойным только тогда, когда я сидела с ним и позволяла ему класть свою голову на мои колени.

Однажды Пампо очень заинтересовало ведро и, опустив голову прямо в него, он выпил всю воду. Мы решили, что, значит, он скоро отвыкнет от кормления из бутылки и будет пить из миски. Это весьма облегчило бы его кормление. На следующий день слоненок хотел повторить эту процедуру, но, так как у него был слегка расстроен желудок, мы не разрешили ему пить воду из ведра. Вскоре после этого мы обнаружили, что он пытается утолить свою жажду из грязной лужи, образовавшейся под сточной трубой. С каждым днем состояние желудка Пампо ухудшалось, и мы пригласили ветеринара. Он посоветовал нам прекратить давать ему молоко и поить только глюкозой и водой, смешанной с сульфагуанадином, для очищения желудка. С этого момента бедный Пампо стал быстро слабеть и вскоре отказался даже и от этой пищи. Даже акромецин не помог прекратить сильный понос.

Однажды рано утром, ровно через четыре недели после того, как слоненка привезли к нам, я нашла маленького Пампо в бессознательном состоянии. Я сразу пригласила ветеринара, и мы пытались привести его в чувство с помощью коньяка. Это в какой-то мере, казалось, помогло ему, и его дыхание стало менее учащенным. Через три часа его состояние слегка улучшилось — дыхание стало ровным и сердце опять билось ритмично. Ветеринар ушел домой, а я села рядом с Пампо, и мы пристально смотрели друг на друга. Затем я положила свою голову рядом с его головой, чтобы услышать малейшее нарушение его дыхания, и положила руку ему на сердце. Оно билось слабо, но равномерно. В таком положении мы оставались до тех пор, пока внезапно я не осознала, что дыхание и биение сердца слоненка прекратились. Пампо был мертв.

Мы помогли ветеринару произвести вскрытие. Оно показало, что бедный маленький слоненок страдал острым воспалением кишечника, усугубленным язвой. У него также был обнаружен нефрит и сильнейший плеврит. Просто невероятно, что со всеми этими болезнями Пампо мог так долго выдержать и быть таким активным. Все отчеты Де-

партамента охраны животных Уганды, зоопарков Рима и Роттердама свидетельствовали о том, что, несмотря на самый современный научно обоснованный уход, в неволе выживает менее 10% детенышей слонов. Анализ показывает, что молоко слонихи содержит 3—4% протеина (белка), 4—6 лактозы (молочного сахара), 6—7 жира и 0,4% минеральных солей. Более того, в нем содержится в два с половиной раза больше витамина В и в четыре раза больше витамина С, чем в коровьем молоке. Эквивалентной замены ему до сих пор еще найти не удалось.

Хотя показания вскрытия объяснили причину смерти бедного Пампо, они не утешили моего горя. Он был таким милым, ласковым животным. Прошел почти месяц после смерти Пампо, и нас попросили поухаживать за другим слоненком. Он упал в тот же самый колодец, и его также покинула мать. Это был самец, но гораздо моложе Пампо, с очень светлой кожей и ужасно худой. Мы назвали его Подо.

Не успела я подойти к нему, как он с яростью набросился на меня, то отступая на несколько метров, то повторяя свои атаки. Мне сказали, что он целый день не ел и отказывался от всего, кроме воды, которую жадно пил из таза.

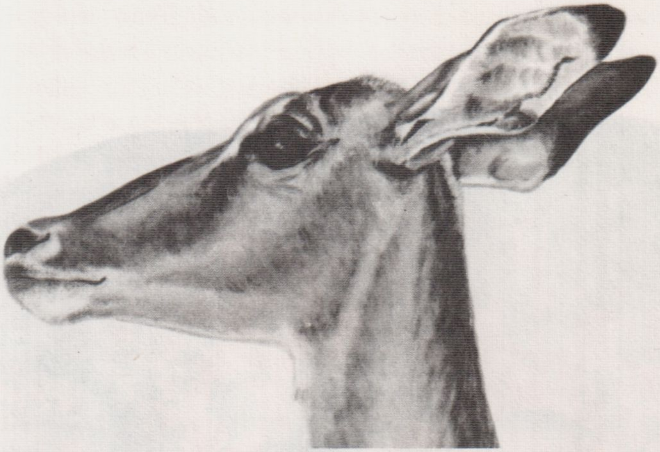
Из опыта с Пампо мы уже знали, что коровье молоко было бы для слоненка пагубным, и поэтому последовали совету экспертов, пытаясь давать ему порошковое молоко, смешанное с глюкозой, фарексом, белком и небольшим количеством стрептогуанадина, чтобы регулировать работу кишечника. Но как только я появлялась в его поле зрения, держа в руках бутылку со смесью, он яростно тряс головой и несколько раз даже выбивал бутылку из рук. Тогда я попыталась дать ему неподслащенное и разбавленное, но без примеси других компонентов молоко «Идеал». Оно ему понравилось. Но несмотря на все мои усилия, Подо пил так мало молока, что я приходила в отчаяние. В то же время он выпивал большое количество воды из ведра, в которое часто также погружал свою голову, а иногда и передние ноги. Я попыталась заменить воду разбавленным молоком «Идеал», но его нельзя было одурачить, и он и близко не подходил к ведру, если оно не было наполнено чистой водой. Наши трудности усугубились тем, что даже с помощью инъекций не удалось остановить усиливающееся у слоненка расстройство желудка.

Затем я решила применить еще одно средство, чтобы заставить нашего упрямого подопечного есть. Подо имел пристрастие сосать медный набалдашник ручки кухонной двери. Вначале я пыталась держать бутылку с молоком на месте набалдашника, но удерживать ее в таком положении, чтобы слоненок мог бы сосать, было трудно. Поэтому мы сняли с петель такую же дверь, поместили медный набалдашник на такой высоте, чтобы Подо было удобно сосать, и просверлили отверстие в нижней части набалдашника. В это отверстие я вставляла резиновую соску молочной бутылки слоненку в рот, когда он подходил сосать набалдашник. Этот трюк, казалось, прошел — по крайней мере я могла заставить Подо проглотить большую порцию еды, хотя и недостаточную для поддержания его здоровья. Итак, африканец держал дверь в нужном положении, а я пряталась за ней с бутылкой молока. Но, пытаясь сосать соску, слоненок буквально сбивал нас обоих с ног. Это был явно неудобный способ кормления.

Несмотря на такое приспособление, Подо худел и становился все слабее. Через несколько дней он уже не мог стоять на ногах, и мы каждый раз были вынуждены поднимать его. Я проводила с ним все дни и ночи, ставя свою походную кровать рядом со слоненком, который спал в углу большого загона на соломе. И ветеринар и я старались сделать все от нас зависящее, чтобы спасти Подо, но через десять дней он умер.

В результате вскрытия мы обнаружили, что основной причиной смерти и на этот раз явилось острое воспаление кишечника, и, хотя у Подо не было признаков плеврита или пневмонии, которые мы обнаружили у Пампо, легкие его также прилипли к ребрам.

В случае с Пампо я считала, что это явление было результатом плеврита и пневмонии. Но у Подо не наблюдалось ни того, ни другого, и поэтому я написала Осману Хиллу — авторитетному специалисту по слонам. Он ответил мне: «Прилипание легких к грудной клетке является обычным явлением для слона и развивается в течение второй половины утробной жизни. Для новорожденного животного это явление закономерно. Аналогичное явление наблюдается у бегемотов и, возможно, встречается и у других крупных толстокожих животных».



ИМПАЛА

Мы следовали за грифами, надеясь, что они приведут нас к падали, и они привели нас к антилопе импала, беспомощно лежащей под палящим солнцем. При виде нас она испугалась и попыталась подняться, но не смогла. Между тем все больше и больше грифов, готовых выполнить свою ужасную работу, кружилось над ней.

Нашей первой мыслью было защитить бедное животное от солнца. Мы нарезали веток и устроили над ней подобие шалаша. Затем осторожно приблизились, чтобы осмотреть ее раны. Их не было; единственно, что мы у нее заметили — это сильно раздутый живот. Мы предположили, что причиной недомогания были, вероятно, беременность или выкидыш. Я по возможности обследовала ее, но ничего не обнаружила, что бы объясняло такое состояние. Только мускулы были очень напряжены. Единственное, что я могла сделать, чтобы облегчить состояние антилопы, это массировать ей живот и таким образом постепенно уменьшить скопление газов в кишечнике.

Молодая самка, казалось, понимала, что мы хотим ей помочь, и хотя она лягнула нас, когда мы подошли, потом уже лежала спокойно и даже принимала нашу помощь. Я была тронута доверием, которое она выказывала нам, разрешая осмотреть ее. После четырехчасового легкого массажа живот стал мягче и уменьшился, а одеревенелые ноги расслабились. Но зловещая стая грифов все уве-

личивалась, и так как мы не могли ни обречь импалу на растерзание, ни надеяться на ее быстрое выздоровление, то попытались погрузить животное в лендровер. Но импала стала так яростно лягаться, что пришлось оставить эти попытки. Однако мы все же решили сдвинуть антилопу с места и начали поднимать ее, подгибая ноги и придавая телу сидячее положение, которое принимают антилопы, когда они отдыхают. Затем мы постепенно выпрямили задние ноги. К нашему большому облегчению, она сразу вскочила и побежала. Однако, с трудом проскакав около двадцати метров, она свалилась. Мы дали ей время прийти в себя и повторили нашу попытку. На этот раз она пробежала расстояние вдвое больше первого и вновь упала. В третий раз она побежала, а затем перешла на нормальный шаг. Через несколько сотен метров антилопа исчезла в кустарнике. Мы были очень рады, что она в безопасности, но продолжали смотреть в том же направлении, чтобы узнать, не преследуют ли ее грифы. Вскоре мы увидели, что птицы снижаются, значит, она опять упала. И действительно, антилопа лежала на земле, совершенно измученная. На этот раз мы решили, что, будет она брыкаться или нет, мы погрузим ее в машину и привезем в наш лагерь, расположенный примерно в десяти километрах отсюда.

Выстлав пол лендровера травой, я села рядом с антилопой в глубине машины, чтобы успокоить ее, если она начнет сопротивляться. Однако импала не делала ни малейшей попытки лягнуть меня и вела себя так, как будто давно привыкла к путешествиям в машине.

В лагере у нас был грузовик, задняя стенка которого была затянута сеткой. Это было идеальное место для ухода за импалой. Мы застелили пол машины толстым слоем травы и втащили туда бедное животное. Вскоре она освоилась и стала совсем смирной.

В течение следующих четырех дней я лечила ее сульфатиазолом, смешанным с неподслащенным молоком «Идеал» и рыбьим жиром. Она с удовольствием пила эту смесь, и ее желудок работал нормально. Мы старались, чтобы она находилась в сидячем положении, и каждый день пытались поставить ее на ноги. Но антилопа была слишком слаба — уже через несколько минут она начинала дрожать и ноги ее подкашивались. Несмотря на это, мы все же продолжали наши попытки для того, чтобы животное не потеряло чувствительность в ногах. Импала, казалось, понимала, что Джордж и я стараемся помочь ей, и не боялась нас. Наоборот, ей нравилось,

что ее гладят, и она держала голову так, будто показывала, что одобряет заботу о ней. Но когда к ней подходил, чтобы поменять подстилку, кто-либо другой, она издавала звуки, похожие на лай.

Я проводила большую часть своего времени с импалой; ласкала ее, кормила и делала зарисовки. В течение трех дней у меня была надежда, что она выздоровеет. Аппетит у нее был хороший, желудок работал нормально, но она все еще была очень слаба. На четвертый день импала отказалась от пищи и вскоре оказалось, что она не может больше глотать. Такое состояние длилось в течение трех дней. Я пыталась влить ей в рот хотя бы несколько капель молока, но она сразу его выплевывала. Проходили дни, и на теле животного все резче и резче вырисовывались кости, и окраска рыжевато-красноватой шерсти становилась все менее яркой. Беззащитная импала смотрела на меня широко раскрытыми глазами. Я отвратительно себя чувствовала, сознавая, что не в состоянии помочь этому нежному и прекрасному созданию.

Ровно через неделю после того, как мы нашли импалу, я сидела возле нее, делая зарисовки. Неожиданно она издала стон и раскрыла свои бархатистые губы. Ее тело свела судорога, и оно стало неподвижным. Но и мертвая она лежала такая же красивая, какой была в жизни.

БЕЛЫЙ ОРИКС

В 1962 году была проведена одна из самых сложных и дорогостоящих операций в истории охраны животных по спасению от истребления антилопы орикс *(Oryx g. leucoryx)*. На Аравийском полуострове сохранилось менее двухсот этих животных, и им угрожало истребление в результате охоты на машинах. У антилопы не было никаких шансов остаться в живых. Часто в охоте принимало участие одновременно до трехсот автомобилей. В 1960 году, после того как Ли Талбот послал донесение об угрожающем положении, Общество охраны животных решило организовать «Операцию орикс» в протекторате Восточный Аден*, чтобы отловленные животные мог-

* В настоящее время протекторат Восточный Аден входит в Народную Республику Южный Йемен. — *Прим. ред.*

ли составить ядро племенного стада. Гримвуд — главный инспектор по охране дичи в Кении — возглавил эту экспедицию, ради которой он был вынужден пожертвовать своим заокеанским отпуском.

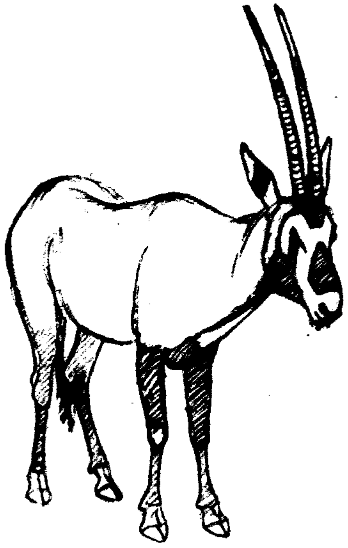
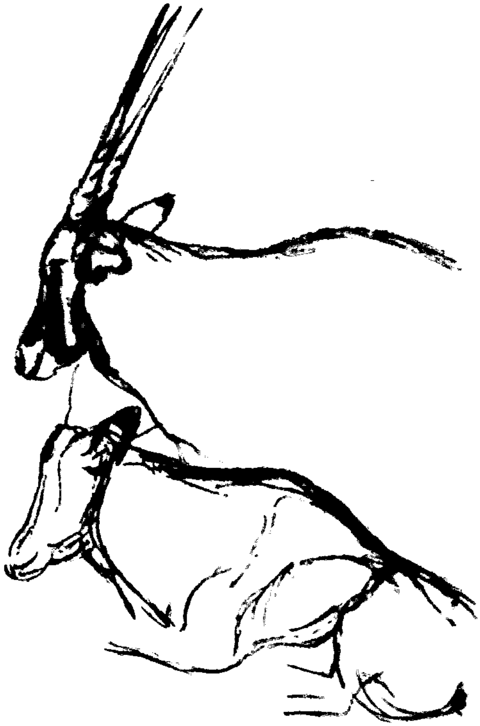
Вместе с двумя помощниками Гримвуд проводил почти все время в течение многих недель в пустыне, стараясь подойти поближе к антилопам, которые убегали при виде человека и машины и держались вдалеке. Несмотря на большие трудности и риск, команде Гримвуда удалось наконец поймать двух самцов и одну самку, которых привезли в Кению. Их держали в Исиоло, климат которого напоминал климат их родных мест. В течение нескольких месяцев ориксов содержали в больших загонах на ветеринарной станции под карантином. Станция находилась в нескольких шагах от нашего дома, и Джордж наблюдал за кормлением и уходом за животными, а я, естественно, делала зарисовки антилоп, как только мне представлялась возможность.

Я была удивлена, когда увидела, что окраска этого орикса сливается с песком и его трудно заметить в пустыне. Два других вида орикса, живущих в Кении, — *Oryx beisa annectens* и *Oryx callotis,* уши которых окаймлены бахромой, — темного красновато-серого цвета. Белый орикс самый маленький из всех видов ориксов, и нежные, неуловимые оттенки шерсти делают его более изящным по сравнению с кенийскими собратьями. Несмотря на кажущийся добродушный вид, все ориксы благодаря своим остроконечным, похожим на рапиры, рогам являются грозными противниками даже для львов. Если смотреть на орикса, когда он стоит так, что один рог заслоняет другой, можно поверить, что именно ему приписывается легенда об единороге.

Три антилопы в Исиоле удивительно быстро привыкли к жизни в неволе, даже несмотря на то что к их загону иногда подходили львы.

Мы обратились в некоторые зоопарки в различных частях света, чтобы выяснить, смогут ли они обеспечить условия для разведения антилоп не только из Исиоло, но также из Кувейта и Саудовской Аравии.

В 1962 году меня пригласили в Филадельфию для демонстрации фильма об Эльсе, который мы создали с Джорджем, на заключительной церемонии празднования 100-летней годовщины Академии естественных наук. Я очень волновалась в связи с моим первым вы-

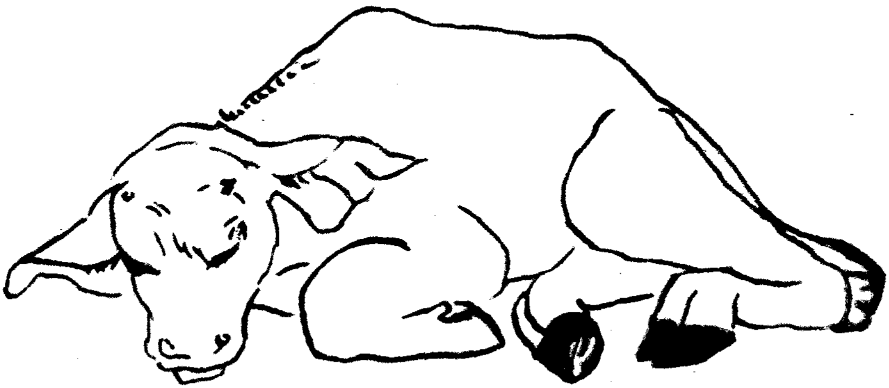
ступлением в США, где меня попросили также выступить на нескольких приемах по случаю основания американского отдела Всемирного фонда охраны диких животных в Нью-Йорке. Общество охраны диких животных «Эльса» предложило Гримвуду сопровождать меня с тем, чтобы он мог дать более подробную информацию, чем я, о создании заповедника в Кении. После того как мы закончили наше путешествие, Гримвуд вылетел в штат Аризона для переговоров с зоопарком Мейтаг в городе Феникс о возможности разведения ориксов. Когда договоренность с этим зоопарком была достигнута, трех ориксов доставили на самолете из Исиоло в Феникс, где к ним присоединили нескольких других ориксов, ранее находившихся у частных владельцев.

В 1964 году во время моей второй лекционной поездки в США я пошла взглянуть на ориксов и была рада, найдя своих старых друзей из Исиоло в прекрасном состоянии. Еще больше я обрадовалась, увидев новорожденного теленка, весело скакавшего на крепких ножках за матерью. Одновременно в Эр-Рияде и Сламе были созданы племенные стада, положившие начало разведению ориксов. К 1972 году в стаде зоопарка Феникс насчитывалось тридцать антилоп, а в Сламе — тридцать три. В Лос-Анджелесе было создано стадо из восьми антилоп, а в Абу-Даби — из двух.

Можно надеяться, что эти стада со временем будут способствовать сохранению этого вида животного на Аравийском полуострове. Есть также надежда, что там будут созданы национальные парки, где орикс будет недосягаем для охотников.

БУЙВОЛЕНОК

Находясь в экспедиции недалеко от границы Эфиопии, мы с нашими навьюченными ослами и мулами поднялись на гору Кулал. Этот одинокий потухший вулкан, возвышающийся над окружающей пустыней до высоты 2000 метров, постоянно закрыт облаками. В то время как вершина горы часто бывает окутана густым туманом, нижние части склонов опаляет нестерпимая жара. Кулал, покрытый девственным лесом с густым подлеском, на вершине стал убежищем для многих животных, особенно для большого куду и буйволов. Это хорошо известно местным племенам, и Джордж прибыл сюда для расследования браконьерства.



Однажды его лесничий принес в лагерь новорожденного буйволенка, мать которого убили браконьеры. Это был крошечный, очень худой теленок возрастом не более одного месяца. Пошатываясь, вошел он в лагерь на своих длинных узловатых ногах. Две маленькие шишки на его лбу, которые позднее станут массивными рогами, были едва заметны. Почти вся его темно-серая кожа, а также его длинные мягкие ушки кулечками были покрыты длинными волосами. Мы назвали его «Сегерея Эгиток», что означает на языке племени самбуру «Длинное Ухо».

Но что нам было делать с этим трогательным созданием? Мы предполагали провести на горе Кулал всего несколько дней, прежде чем начать свой путь через пустыню. А так как Эгиток привык к климату горы Кулал и прохладной тени леса, мы не решались взять его с собой в этот тяжелый пеший переход по жаркой местности. Джордж предложил пристрелить его. Я посмотрела на него. Разве это возможно? Неужели нет другого выхода? Внезапно у меня мелькнула мысль. А что если попытаться перевезти буйволенка через пустыню на верблюде, а затем погрузить его в наш грузовик, находящийся в 250 километрах отсюда. Потом его можно было бы переправить к нашему другу на ферму у подножия горы Кения, климат которой напоминает климат горы Кулал.

Нашего друга, о котором я упомянула, давно интересовал вопрос — можно ли скрещивать диких буйволов с домашними буйволами. До сих пор он не мог провести этот эксперимент, так как у него были только самки буйволов. Если бы наш маленький бычок выдержал это путешествие, мы бы не только спасли ему жизнь, но,

возможно, мы помогли бы пролить свет на проблему скрещивания этих животных. В крайнем случае Эгиток мог бы вырасти вместе с домашними буйволами.

Был еще один довод. В нашей свите собралось много браконьеров, ожидавших отправки в заключение. Они быстро сокращали наши съестные припасы и потому их надо было отправить всех в Барагои, где нас ожидал грузовик. Вместе с ними можно было отослать и буйволенка. Единственно, в чем мы нуждались, это в верблюдах для перевозки Эгитока.

Мы попросили местных жителей из племени самбуру ежедневно приносить молоко для маленького буйвола и объяснили, что хотели бы также на время одолжить дойную корову, двух верблюдов и пастуха для перехода до Барагои. А пока мы надеялись так подкормить Эгитока, чтобы он окреп перед путешествием.

Буйволенок жадно сосал молоко из бутылки и за несколько дней стал настолько сильным, что мог свободно подбрасывать человека вверх. Это была его любимая игра. Как только Эгиток видел, что кто-то зазевался, например, наклонился над ящиком со снаряжением,

он осторожно приближался сзади и, быстро просунув голову между ног своей жертвы, резко подбрасывал ничего не подозревавшего человека вверх, причем так, что тот переворачивался в воздухе и падал на землю. Все, кто наблюдал эту игру, находили ее очень забавной и весело смеялись. Смех, казалось, подбадривал Эгитока, и он не упускал ни одного случая, чтобы повторить свой трюк.

Несмотря на такие грубоватые шутки, наши служащие любили Эгитока, и каждый предлагал ему лучшее «спальное» место ночью у костра. Я была тронута, когда видела, как неудобно устраиваются вдалеке от тепла наши люди, только для того, чтобы предоставить буйволенку лучшее место. Особенно любил его один лесничий, и я часто заставала его в тот момент, когда он, не думая, что за ним наблюдают, ласкал своего маленького друга и удалял занозы из его толстой кожи.

Кормила Эгитока я. Он особенно привязался ко мне и всюду следовал по пятам. При переноске лагеря он послушно бежал рысцой за мной на большие расстояния, посасывая мой большой палец, который я использовала в качестве своеобразного поводка.

Во время наших вылазок в окрестности горы Кулал без Эгитока мы часто встречали буйволов. Почти всегда мы должны были прокладывать себе путь через густой подлесок на крутых склонах или вдоль узких гребней горы. Поэтому когда мы сталкивались с огромными животными на опасной тропе, возникал вопрос, кто из нас первый свернет с дороги? Меня часто пугали эти колоссы, которые пристально смотрели на нас, выставив вперед свои твердые лбы и остроконечные рога, однако, к счастью, они обычно поворачивали назад.

После двухнедельного пребывания на горе Кулал Эгиток стал совсем ручным и за ним было легко ухаживать. Он выглядел упитанным, и мы решили, что можем рискнуть взять его с собой при переходе через пустынную местность до Барагои. Самбуру не только привели нам дойную корову с теленком, но также двух верблюдов, которых они все равно собирались отправить в Барагои. Итак, для нашего буйвола все сложилось удачно, и даже проблема, как погрузить и закрепить Эгитока на верблюде, была решена гораздо легче, чем мы ожидали.

Во время своих кочевок самбуру в качестве вьючного седла используют что-то вроде плетеной корзины. Это сооружение состоит из

четырех деревянных рам, переплетенных сыромятными кожаными ремнями. Затем эти рамы скрепляются по две с каждой стороны. В такую корзину самбуру грузят свои пожитки, туго увязывая их веревками из кожи.

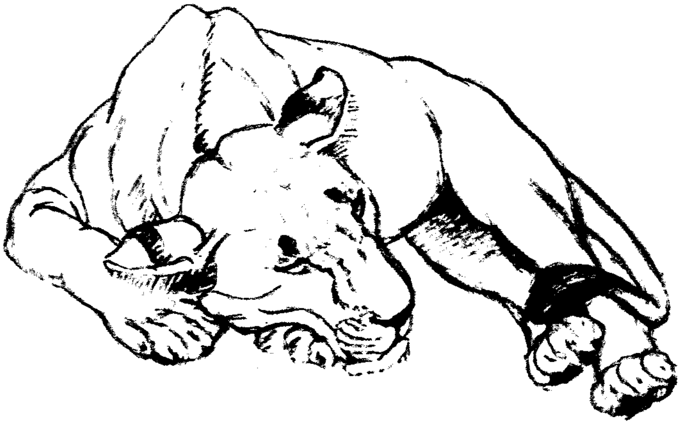
Мы выложили корзину травой и прикрепили Эгитока так, чтобы он мог лежать, как в люльке. Затем все было погружено на недовольно фыркавшего верблюда. Надзор за буйволенком был поручен лесничему, и под его подбадривающее «тту-тту» странный на вид караван пустился в путь. Процессию возглавлял запасной верблюд, хвост которого был привязан к шее верблюда, на котором восседал Эгиток, затем в качестве кормилицы шла корова со своим теленком, и, наконец, весь этот караван замыкали арестованные браконьеры и их конвой. Мы наблюдали, как караван спускался с горы до тех пор, пока он не скрылся из виду.

Многие из браконьеров были арестованы за то, что они нарушили правило охоты на буйвола, и я подумала, какая ирония судьбы, что к месту наказания браконьеров ведет маленький буйвол, мать которого стала жертвой их охоты.

Спустя несколько недель мы нагнали караван в Барагои, где нам оказали радушный прием. Все гордились Эгитоком, который стал любимцем браконьеров. Он выглядел бодрым и веселым, несмотря на то что у него были небольшие ссадины от ремней на лодыжках, но эти царапины вскоре зажили.

В конце концов мы доставили маленького бычка нашему другу, и он был чрезвычайно рад такому подарку.

7. ЛЬВЫ И ГЕПАРДЫ



В те годы, когда львица Эльса, а затем гепард Пиппа жили у нас, у меня были исключительные возможности для зарисовки этих прекрасных созданий.

Многие часы, когда они играли или спали, я проводила вместе с ними и настолько хорошо изучила их повадки, что вскоре могла распознать малейшее изменение их настроения.

О перемене их настроения можно было догадываться не только по тому, какую форму принимали очертания их губ, как они раздували ноздри или наклоняли уши и головы, но и по выражению их глаз. Когда животные отдыхали, их глаза были мягкие и теплые, но при малейшем беспокойстве они мгновенно становились жесткими, а зрачки сокращались до размера булавочной головки. Напротив, когда животные находились в состоянии сильного возбуждения, например беспокоились о своих детенышах, их зрачки становились такими огромными, что красивая янтарного цвета радужная оболочка уменьшалась до самой окружности и становилась похожей на тонкое обрамление, а на ее месте появлялась глубокая чернота.

Эльсу рисовать было гораздо легче, чем Пиппу. Причина крылась, вероятно, в различии характеров этих двух видов животных. Львы, которые являются для меня олицетворением чувства собственного достоинства, очень самоуверенны и, кроме того, ленивы. Гепарды же всегда находятся в очень напряженном состоянии и начеку. Мне они кажутся воплощением самого изящества.

И Эльса и Пиппа были очень ласковыми, но Эльса открыто проявляла свои чувства, вероятно потому, что она принадлежала к типу животных, которые живут не только в одиночку, но и группами, а Пиппа относилась к животным, которые ведут уединенный образ жизни, была гораздо более сдержанна и в присутствии посторонних не проявляла свою привязанность.

Однако когда мы играли все вместе, их объединяло чувство особой осторожности, и они старались не оцарапать меня. Если же они нечаянно все же задевали меня и появлялась кровь, то это, казалось, их огорчало больше, чем меня.

Когда я держала в своей руке лапу животного, она была такой доверчивой, что я с трудом могла представить себе, что эта нежная бархатная лапа может мгновенно превратиться в настоящее орудие убийства.

Подобно всем львам, Эльса, когда ела, придерживала еду передними лапами, а Пиппа, как и все гепарды, сгибала передние лапы, когда ела мясо.

Другая общая черта их характера заключалась в том, что они обе не любили позировать мне. Может быть, они чувствовали, что, когда я рисую их, я отношусь к ним как к натурщикам, а не как к друзьям?

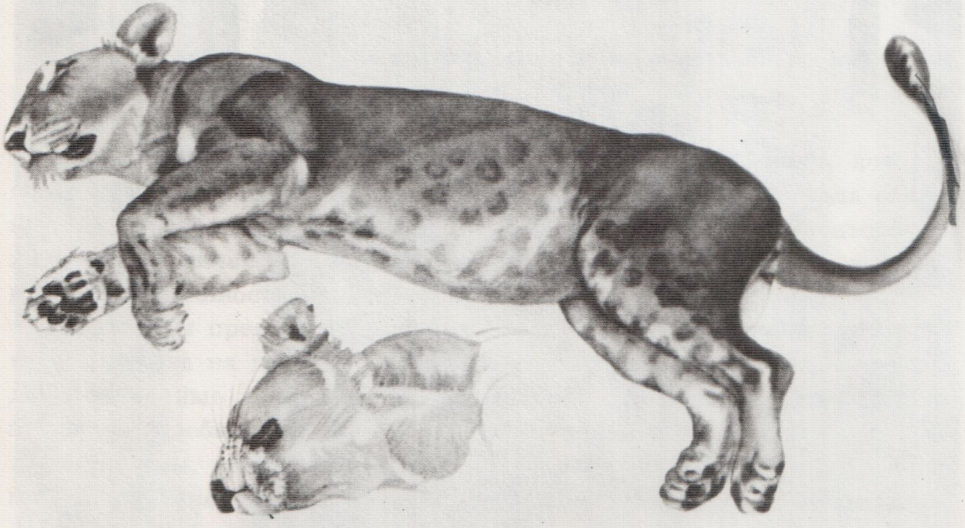
Мне было понятно их неудовольствие, так как я много раз и позировала для портрета и рисовала сама, и мне было хорошо известно чувство напряженности как натуры, так и художника. Когда писали мой портрет, я обычно знала, не глядя на художника или полотно, какую часть моего тела зарисовывали, и испытывала такое чувство, как будто меня мысленно анатомируют. И если учесть, что чувства животных значительно острее наших, то вполне естественно предположить, что при аналогичных обстоятельствах они испытывают гораздо большее напряжение, чем человек.

Так или иначе, но Эльса и Пиппа определенно терпеть не мог-

ли, когда их рисовали, и в подтверждение этого они обычно отворачивали головы или закрывались лапой, или уходили прочь, увидев чем я занимаюсь. Вот почему большинство моих зарисовок показывают их спящими или занятыми едой или чем-либо другим. Только в очень редких случаях я могла рисовать их, когда они смотрели прямо на меня.

Я хотела уловить выражение их взгляда и их непринужденные движения, и поэтому мне никогда не удавалось закончить наброски после того, как животное меняло свое положение.

Эти наброски я рассматривала в основном как пособие для наблюдения за животными и более детальное, чем в книгах, их графическое изображение, но я предполагала позднее по этим наброскам создать законченные рисунки. Однако в 1970 году я попала в автомобильную катастрофу, во время которой повредила правую руку, и больше не могу рисовать. Тем не менее я чувствую, что мои зарисовки помогли мне более близко узнать и понять обаяние Эльсы, Пиппы и их детенышей.



JOY

8. СЕМЬЯ КОЛОБУСОВ

Когда в 1970 году я приехала на озеро Наиваша, я и не подозревала, что там живет пара обезьян колобусов *(Colobus guereza kikuyuensis)*. Это было довольно неподходящее для них место, так как озеро лежит на высоте только около 2000 метров, а эти древесные обезьяны обычно предпочитают жить на бóльших высотах.

Возможно, место, где мы раскинули наш лагерь, было их территорией, так как оно включало небольшой участок леса, который обеспечивал их едой и служил хорошим укрытием.

Вероятно, эти колобусы были потомками тех обезьян, которые обитали в лесу около озера до того, как его площадь начала сокращаться. Колобусы безжалостно истреблялись из-за их красивого меха и мяса. Сейчас эти обезьяны находятся под охраной, но, несмотря на это, деятельность браконьеров не прекращается.

Колобусы превосходят по красоте всех обезьян, и когда они прыгают с дерева на дерево, а на их длинную черно-белую пелерину падают солнечные лучи, они становятся похожими скорее на неких сказочных волшебных существ, чем на живых созданий.

Однажды, когда Джордж и я смотрели, как пара обезьян прыгает между акациями перед нашим домом, ветка дерева обломилась,

и одна из обезьян тяжело упала на землю. Она упала с высоты по крайней мере 30 метров, и я очень беспокоилась, не сильно ли она ушиблась. Я искала ее повсюду, но в течение последующих десяти дней мы не видели этой пары обезьян.

Когда они наконец появились вновь, я стала наблюдать за ними и сразу заметила светлое пятно на руке самки, которое я сначала приняла за синяк. Но когда я взяла свой полевой бинокль и взглянула еще раз, я, к своей радости, обнаружила, что светлое пятно было мордочкой белоснежного детеныша, который укрывался под пелериной матери.

Насколько я могла судить, длина его, включая крошечный хвостик, была сантиметров сорок. Колобус-отец находился рядом со своей семьей, и, в то время когда мать кормила детеныша, он держался настороже на случай опасности. Передвигаясь, самка одной рукой прижимала к себе детеныша, а другой держалась за ветви деревьев.

Мы назвали детеныша «Коли». С этого времени я могла наблюдать это семейство почти ежедневно. Пока Коли не стал постарше, его отец всегда был на страже. Когда мать отдыхала, и голова ее покоилась на коленях мужа, Коли неуклюже ползал вокруг них. Мать и детеныш были настолько неразлучны, что казались единым целым. Обезьяны ели рано утром и после четырех часов дня, а спали в полдень и затем опять от сумерек до рассвета.

Сочные листья крестовника вьющегося были любимой пищей обезьян, но им также доставляли удовольствие ягоды и молодые побеги некоторых перечных деревьев, которые были очень давно завезены людьми в окрестности озера Наиваша. Они также ели листья густого подлеска.

Когда Коли исполнилось два месяца, его кисти и стопы стали черными, а руки, лицо и голова — серыми. Тонкая белая полоска отделяла брови от остальной части головы и соединялась с белой шерстью, окаймлявшей шею и подбородок.

При прыжках обезьян с дерева на дерево Коли плотно прижимался к животу матери. Они проявляли большую любовь друг к другу и во время длительных передышек между прыжками подолгу смотрели друг на друга и обнимались. Мать постоянно чистила своего детеныша, а он обвивал руками ее шею. Насколько я могла установить, Коли никогда не дотрагивался до своего отца.

Постепенно семья колобусов стала чувствовать себя совершенно спокойно в моем присутствии. Я могла приближаться к ним на расстояние тридцать метров, но они никогда не спускались низко. От земли их всегда отделяло по крайней мере метров десять. Отец Коли вел себя более осторожно, чем мать, которая явно доверяла мне; она даже позволила мне сфотографировать ее с маленьким Коли на ее коленях. Незнакомых людей обезьяны боялись, и нередко, когда к нам кто-нибудь приходил, они не показывались в течение нескольких дней.

К тому времени, когда Коли исполнилось три месяца, на кончике его хвоста появилась белая кисточка. Теперь он мог прыгать вокруг своих родителей или, держась за мать, схватить небольшую ветку, на которой он обычно раньше только беспомощно мог висеть, и совершить прыжок обратно.

Вскоре отец Коли стал играть более активную роль в его воспитании: он сидел на расстоянии около метра от супруги, согнув плечи, которые Коли использовал, как прекрасную подкидную доску для прыжка на плечи своей матери. Так, без всякого риска маленькая обезьянка училась прыгать на небольшие расстояния. Родители Коли, будто по обоюдному согласию, постепенно увеличивали дистанцию между собой, приучая Коли определять безопасное расстояние для прыжка. Они обычно сгибали свои спины под таким углом, чтобы Коли мог легко сползти вниз. Особенно долго сидела сгорбившись мать Коли, но, если ее отпрыск плохо выполнял упражнения, она шлепала его.

Обучение проходило в полном молчании. Обезьяны колобусы действительно спокойные создания, но уж если они подают голос, то это красивые глубокие звуки, непохожие на звуки, издаваемые любой другой обезьяной, разве что они напоминают пение обезьян ревунов.

Когда отец хотел позвать Коли, он обычно сначала издавал щелкающие звуки языком, а затем, низко согнувшись, начинал реветь, резко подергивая при этом головой. Рев длился в течение пяти или десяти минут. Мать тоже часто присоединялась к нему, но ее рев длился не столь долго и был менее сильным. Если Коли был чем-то напуган, он пищал, и, услышав этот звук, один из родителей, тот, кто был ближе к нему, сразу спешил на помощь.

Когда Коли исполнилось пять месяцев, его шерсть оставалась

все еще очень пушистой, но уже приобретала окраску, характерную для взрослой обезьяны.

К этому времени Коли передвигался самостоятельно, хотя еще не мог лазать по деревьям со слишком толстыми стволами. Для того чтобы помочь ему, один из его родителей усаживался на ветви, опустив свой хвост с таким расчетом, чтобы Коли мог его достать. Схватив хвост, Коли подтягивался, а затем отец или мать передвигались выше, и все повторялось снова.

Бывали случаи, когда Коли не удавалось справиться с толстым стволом, и, так как поблизости не было спасительного хвоста, он переходил на более тонкое дерево, добирался до его вершины и уже оттуда прыгал на более толстое дерево. В этих случаях его отец иногда взбирался на дерево раньше, и, когда они встречались, Коли обычно использовал плечи своего отца как трамплин, с которого он съезжал вниз на плечи матери, поджидавшей его внизу.

Маленький Коли был вечно занят — вертелся, крутился, свисал и кувыркался на ветке, за которую держался одной рукой, или перескакивал на другие деревья. Он любил гримасничать и иногда вырывал листья прямо изо рта своих родителей, за что всегда получал заслуженный шлепок.

Коли не потребовалось много времени, чтобы понять, когда именно я хочу его сфотографировать, и он старался избегать этой процедуры. Завидев меня с фотоаппаратом, он сразу исчезал или прятался за дерево, из-за которого выглядывал и снова прятался. Как только я теряла терпение и уходила, он моментально появлялся и выделывал потрясающие акробатические трюки с таким выражением на мордочке, как будто говорил: «А теперь сфотографируй меня, если сможешь!» Но если я возвращалась, он тут же вновь мгновенно исчезал. Я очень любила эту маленькую обезьянку и ее родителей.

Когда Коли было тринадцать месяцев, мне предстояло поехать в Национальный парк Меру почти на три недели. Я с грустью даже на такое короткое время покидала эту счастливую и неразлучную семью колобусов, но я хотела проведать детенышей Пиппы.

После того как я вернулась, мне сказали, что за последние две недели видели только Коли и одного из его родителей. Я провела целый день в поисках другой обезьяны и наконец увидела ее высоко на дереве, росшем недалеко от моего жилья. Она, казалось, дер-

жалась за ветку, но, когда я подошла поближе, не пошевельнулась. И тут я поняла, что эта обезьяна — отец Коли и что он мертв.

Ствол акации, на которой он находился, был таким гладким, что мы не могли взобраться наверх, но в конце концов мы сняли обезьяну, передвигая ее тремя связанными вместе бамбуковыми палками. Пока мы занимались этим, я нашла пустую патронную гильзу.

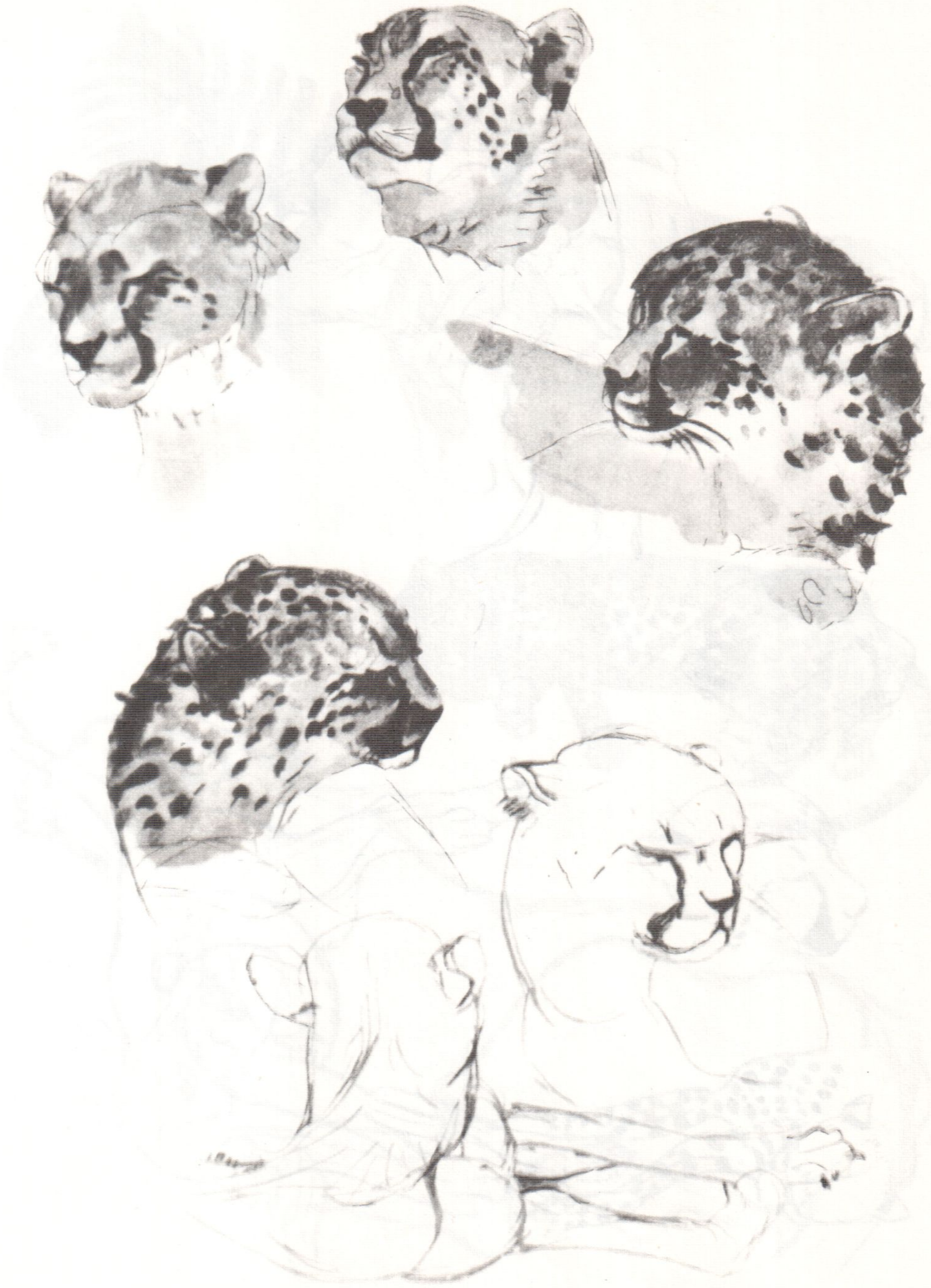
Осматривая тело, которое высохло и почти превратилось в мумию, я увидела, что оно изрешечено пулями. Голова обезьяны была откинута назад, а по положению рук можно было догадаться, что она что-то сжимала.

Через два дня я обнаружила Коли и мать около этого дерева. Они, казалось, были убиты горем. Вскоре обезьяны ушли в лес. Они очень нервничали и боялись даже меня, хотя еще совсем недавно я пользовалась их доверием. Теперь, когда мать Коли замечала мой взгляд, она отворачивалась, а Коли прятался в ее шерсть. Никто из них больше не играл, и после еды они подолгу сидели обнявшись и смотрели в пространство. Их молчаливое горе было настолько сильно, что я едва могла его вынести. Однажды, наблюдая за ними, я сделала набросок — первый со времени моей автомобильной катастрофы, происшедшей два года тому назад.

Я обратилась в Департамент охраны животных и полицию с просьбой найти браконьера, который должен был понести наказание за совершенное убийство обезьяны. И они нашли его. Месяц спустя рано утром я услышала, как мать Коли зовет его, и я подумала: не смирилась она со смертью своего мужа и сейчас старается научить Коли различным звукам.

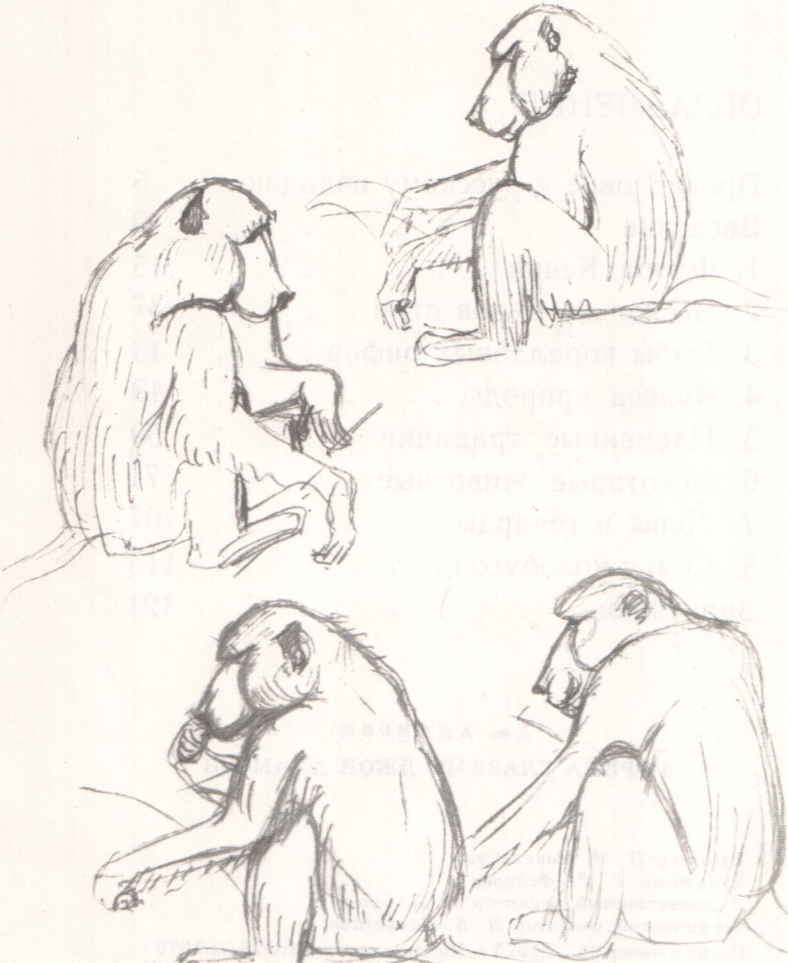
Вскоре мне предложили привезти к озеру другого колобуса, который мог бы заменить отца Коли. Коли и его мать были очень преданы друг другу, и я почувствовала, что такая замена может испортить их отношения. К тому же можно было предположить, что через год или два Коли может вместе со своей матерью создать новую семью на этой же территории. Животные часто сами лучше всего способны разрешить свои проблемы. И без крайней нужды не следует вмешиваться в их жизнь.

ЗАРИСОВКИ



Марсабит

Пейзаж с гигантской лобелией



ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие к русскому изданию . 5
Введение 9
1. Флора Кении 15
2. Несколько видов птиц 37
3. Рыбы коралловых рифов . . . 43
4. Чудеса природы 49
5. Племенные традиции 59
6. Некоторые животные 71
7. Львы и гепарды 107
8. Семья колобусов 115
Зарисовки 121

Дж. АДАМСОН

АФРИКА ГЛАЗАМИ ДЖОЙ АДАМСОН

Редактор *И. М. Максимова*
Художник *Г. Г. Федоров*
Художественный редактор *А. Д. Суима*
Технический редактор *Н. К. Капустина*

Сдано в набор 26.12.1975 г. Подписано в печать 23.11.1976 г. Формат 70×90 1/16. Бумага офсетная. Условн. печ. л. 9,65. Уч.-изд. л. 7,95 Тираж 180 000 экз. Заказ № 1389. Цена 1 руб. 09 коп. Изд. № 20033.

Издательство «Прогресс» Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, 119021, Зубовский бульвар, 21

Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома *при Государственном комитете* Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Калинин, пр. Ленина, 5.

Джой Адамсон — широко известная писательница и естествоиспытатель. В результате многолетней жизни в Кении она создала ряд интереснейших книг, посвященных природе и животному миру Африки. Такие книги, как «Рожденная свободной», «Пятнистый сфинкс» и другие, принесли ей популярность в нашей стране и хорошо известны советским читателям.

Работы Джой Адамсон принесли ей также широкую известность как пропагандисту охраны природы. Хотя Адамсон и не является биологом, однако проблемы экологии не ускользают от пристального внимания писательницы и представляют определенный вклад в изучение природы.

Предлагаемая советскому читателю книга «Африка глазами Джой Адамсон» посвящена в основном малоизвестной у нас природе Кении. Писательница, являясь знатоком этой страны, раскрывает в книге с помощью рисунков богатство флоры Кении и необычность ее животного мира — причудливость окраски птиц, бабочек, рыб, а также некоторые племенные традиции.

Книга дает возможность оценить полноту дарования Джой Адамсон не только как писательницы, но и как художника-акварелиста, автора замечательных зарисовок, сделанных ею в Африке. Ранние рисунки Адамсон давали представления о местной уникальной флоре. Позднее она стала иллюстрировать и научные книги, такие, например, как атлас растений Кении. Впоследствии Джой Адамсон обратилась к богатому разнообразию природной жизни Кении. Она делает зарисовки коралловых рыб фантастических расцветок, удивительных хамелеонов и насекомых, некоторых видов птиц и зверей. Затем Адамсон приступила к созданию серии портретов представителей различных племен Кении, многие из которых экспонируются в Национальном музее и правительственных учреждениях Кении.

Цена 1 р. 09 к.